

18+

МЕСТ СИЛЫ
ШАМАНСКИЕ
ЭКСКУРСЫ

ТОМ 5. ТОЛСТОЙ. БОГИ. УЗЕЛ РУССКОЙ ЖИЗНИ

ОЛЕГ ДАВЫДОВ

Олег ДАВЫДОВ

**Места силы. Шаманские
экскурсы. Том 5. Толстой.
Боги. Узел русской жизни**

«Издательские решения»

Давыдов О.

Места силы. Шаманские экскурсии. Том 5. Толстой. Боги. Узел русской жизни / О. Давыдов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-602182-2

Пятый Том «Мест силы» содержит шаманские экскурсии о Льве Толстом и духовных коллизиях его пути и произведений. На примере текстов и биографии Толстого автор показывает, как сформировалось двоеверие, ставшее характерным для русской жизни после крещения Руси. Как функционирует это двоеверие, каковы его корни и особенности. Это продолжение основной темы книги «Места силы»: непостижимые действия русского бога и способы его ассимиляции в условиях привнесенной на русскую почву новой религии.

ISBN 978-5-00-602182-2

© Давыдов О.
© Издательские решения

Содержание

Шаманские экскурсии. Ростов. Я и Ся	6
Шаманские экскурсии. Ростов. Ся и Я	11
Шаманские экскурсии. Ростов. Кунь	17
Шаманские экскурсии. Толстой и смерть	32
Шаманские экскурсии. Толстой и бог Кафки	36
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Места силы. Шаманские экскурсии Том 5. Толстой. Боги. Узел русской жизни

Олег Давыдов

Дизайн и верстка Марианна Мисюк

Редактор проекта Глеб Давыдов

Благодарности:

Валентина Потолова

© Олег Давыдов, 2023

ISBN 978-5-0060-2182-2 (т. 5)

ISBN 978-5-0056-4596-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Шаманские экскурсии. Ростов. Я и Ся

Чтобы продолжить¹ вникать в шаманскую подоплеку китайской «Книги перемен», поговорим о книге нам более близкой и, кажется, более понятной. О романе Толстого «Война и мир». Это название можно бы перевести на китайский как «Ян и Инь». Ведь речь о безотчетной игре света и тьмы, жара и холода, верха и низа, востока и запада, женского и мужского, человека и бога, войны и мира. Игра Инь и Ян задает ход сюжетных потоков. Это как в жизни, но в тексте потоки уже препарированы, их легко проследить, увидеть истоки, русла, зоны турбулентности, точки бифуркации. Можно следовать за развитием сюжета в целом, а можно – за развертыванием архе отдельных героев. Выделим сейчас лишь один поток.

Примерно месяц прошел с того дня, как Наполеон напал на Россию. Русская армия отступает и вместе с ней – Николай Ростов. Переходы, дожди, ухаживания за женщинами, рассказы о героизме, заботы о провианте... Жизнь течет своим чередом. Это присказка. А вот начинается сказка. 13 июля 1812 года около местечка Островне под Витебском эскадрон гусар Ростова стоит в прикрытии батареи. Русские уланы ушли в атаку под гору, налетели на французских драгун и через пять минут понеслись назад. Драгуны их преследуют. Николай, наблюдая с горы, «всей душой участвовал в движении улан» (здесь и далее в цитатах Толстого курсивы, кроме специально оговоренных, мои. – О.Д.). Теперь внимание:

«Он чутьем чувствовал, что, ежели ударить теперь с гусарами на французских драгун, они не устоят; но ежели ударить, то надо было *сейчас*, сию минуту, иначе будет уже поздно. Он оглянулся вокруг себя. Ротмистр, стоя подле него, точно так же не спускал глаз с кавалерии внизу.

- Андрей Севастьяныч, – сказал Ростов, – ведь мы их сомнем...
- Лихая бы штука, – сказал ротмистр, – а в самом деле...

Ростов, не дослушав его, толкнул лошадь, выскакал вперед эскадрона, и не успел он еще *скомандовать* движение, как весь эскадрон, испытывавший то же, что и он, тронулся за ним. Ростов сам не знал, как и почему он это сделал. Все это он сделал, как он делал на охоте, не думая, не соображая».

Здесь описано ровно то, что в «Книге перемен» называется *юань хэн* (раз – понесло²). «Не думая, не соображая», Ростов «толкнул» своего донского коня, а дальше все происходит само. Перед нами поток. И вот уже скоро конная лава, приведенная в движение в точный момент, сомнет неприятеля.

Вообще-то из текста можно понять, что этот поток тек с горы еще до начала атаки, напрягал эскадрон, но был пока что невидим. И вот проявился, буквально как пар над котлом с рисом в иероглифе, означающем *ци*³. Конная лава двинулась потому, что была подхвачена какой-то овладевшей всеми невидимой силой, смысловым током *ци* (ести), потекла вместе с ним. Вот как Толстой объясняет поступок Ростова: «Пули так возбуждительно визжали и свистели вокруг него, лошадь так горячо просилась вперед, что он не мог выдержать».

Интересное слово употребляет писатель: «выдержать». В предыдущем экскурсе мы разбирали разные варианты перевода иероглифа *чжень*, входящего в магическую формулу *сы дэ* (вообще, советую перечитать тот экскурс⁴, чтобы лучше понимать текущий), и один из вариантов перевода был – «выдержка». Но потом нашлось более емкое понимание слова *чжень*, пред-

¹ См. начало разбора шаманской подоплеку «Книги Перемен» в Томе Четвёртом, в главе «Шаманские экскурсии. И (1)»

² См. в Томе Четвёртом главу «Шаманские экскурсии. И (2)»

³ См. Том Четвёртый, «Шаманские экскурсии. Ци»

⁴ См. Том Четвёртый, «Шаманские экскурсии. И (2)»

полагающее яйное взаимодействие разных потоков и включающее, среди прочего, «выдержку», как один из своих аспектов.

Об этом еще много придется говорить. А здесь самое место напомнить⁵, что логика потока (которая описывается понятийным аппаратом аристотелевского учения о движении, а также – формулой *юань хэн ли чжэнь* «Книги перемен») предполагает переход от возможности (динамис, *юань*) к осуществленности (энтелехейя, *ли*) посредством действия (энергейя, *хэн*). Но кроме того должно быть еще *нечто*, осуществляющее это действие. Проблема, собственно, в том, чтобы понять, что представляет собой это нечто. А вернее – кого оно представляет. То есть – кто проявляет выдержку или не выдерживает.

«Не смогший выдержать» Ростов бросается в атаку, «забыв себя». В русском языке немало выражений, которые описывают это состояние. «Выйти из себя», «быть вне себя», «больной пришел в себя», «человек не в себе», «потерял себя», «растерялся», «забыл себя», «забылся сном», просто «забылся», «эй, не забывайся», «не зарывайся», «опомнись», «очнись», «соберись», «возьми себя в руки» и так далее. Все эти выражения указывают на состояния, в которых некто оказался отделен от самого себя. При этом подразумевается, что человек либо потерял сознание, либо утратил чувство реальности. А воссоединение с собой, возвращение в себя означает восстановление сознания или обретение чувства реальности.

Это понятно. Но не так уж понятно, что происходит, когда мы несем себя? Не совсем, ведь дело происходит само собой, бессознательно, невольно, делается. Тогда – что значит «ся»? В словаре Даля можно прочесть:

«СЯ, частица, принимаемая за сокращенное *себя*, но выражающая иногда, при глаголах, совсем иное, трудно объяснимое понятие. 1. В возвратном, на себя обращенном действии, *ся* заменяет *себя*, и потому (в церк. и стар.) нередко ставилось впереди: *ся деяти, ся утешати*, *вм. деяться, утешаться; он про то ся на меня (мя) злобить*, *злобится; он чешет себя, ся чешет, чешется*; но *палец, бровь чешется*, *свербит, зудит*. 2. Близко к сему значенье, где дело делается будто само собою: *крупя сыплется из мешка; веревка волочится, замазка отвалилась*. 3. Также сходно значенье действия одного предмета на другой: *железо куется*; но *куется* также значит: поддается ковке. *Хлеб молотится*, его молотят. *Солгалось*, так случилось. 4. Взаимное, обоюдное действие: *драться, обниматься*; но глаг. *драться* также значит бить других, говоря об одном. *Рядиться*, может быть взаимное: *хозяин с подрядчиком рядятся*; но и каждый из них порознь *рядится*. 5. Иной глаг. вовсе не расстаётся с *ся*: *улыбаться, смеяться; случаться, бояться*. Иной получает вовсе другое значенье: *плакать*, и *плакаться на кого; сбываться и сбываться*; а иной почти не изменяет его: *молить Бога и молиться Богу; он все бранит или бранится; скупо торгуешь*, или *-ся; на сердце гребтит*, или *-ся; дожидать и -ся кого; он на всех плюет или он все плюется*. Живая подвижность русских глаголов не поддается доселе школярным путам; значенье частицы *ся* можно изучить не иначе, как собрав все глаголы на *ся*, и все примеры к ним из старины и из живой речи, отрешась притом вовсе от грамматики».

Сейчас нам интересен в первую очередь аспект «ся», указывающий на действие, которое делается как бы само собой. Или, как сказал бы Аристотель, имеет в себе самом начало (архе) движения и изменения. Совершенно очевидна разница между словами «чешется» (он чешет себя) и «чешется» (зачесалось). В последнем случае это как будто безличный процесс. Более того, подобного рода процессы выглядят безличными, даже если относятся прямо к лицу: улыбнуться. Ведь не ты же сам себя улыбнул (хотя, конечно, можно вымучить улыбку), а что-то в тебе тебя улыбнуло. Сейчас в ответ на шутку часто можно услышать: «Улыбнуло». Правильно, какой-то ценитель юмора внутри вас заставил ваше лицо расплыться в улыбке.

⁵ См. Том Четвёртый, «Шаманские экскурсии. Фюсис»

Когда что-то во мне вот так вот делается помимо меня, можно сказать, что это действие какой-то части моей души, автономного комплекса, одной из моих многочисленных личностей. Об этом я говорил⁶. Но вот другие примеры: рис варится, вода льется, время тянется, мечта сбывается. Что значит «рис варится»? Мы можем, конечно, рассматривать варку риса как действие какого-нибудь повара, который варит рис. Но язык сохраняет также шаманское понимание того, что рис варится сам, варит себя. Коперник в свое время придумал, что Земля вращается вокруг Солнца. Молодец, он создал удобную схему для вычислений. Но ведь это не отменяет того, что Солнце движется вокруг Земли. Движение относительно. Вот так и с рисом, который варится. Варка риса – это процесс (перемен), имеющий свое начало (архе) в самом себе.

Вообще, кто вам сказал, что рис не использует человека, стоящего рядом с плитой, для того, чтоб свариться. Очевидно, использует. А кроме того рис использует человека для вспашки полей, посева семян, ухода за всходами, уборки урожая и еще множества дел, которые являются элементами культуры риса (о других культурах см. в Томе Третьем⁷). Рис – это божество, эксплуатирующее человека для каких-то своих целей (*ли*). А заодно и создающее человеческую культуру, соответствующую достижению (*хэн*) целей, которые преследует рис. Людей приучают думать, что это они сами варят рис, сами изобрели приемы его обработки и чуть лишь не всю культуру вообще. Но это такая же узость, как верить, что Земля вращается вокруг Солнца, в то время, как они просто движутся друг относительно друга. И то же самое с человеком и рисом. Они взаимодействуют, находятся в симбиотических отношениях, содержат друг друга (во всех смыслах этого слова). Не понимать этого – значит оставаться в самонадеянном 20-м веке, а это сегодня уже – ой, как стыдно, господа.

Шаман проходил университеты, знает он вашу науку, бывало, и ногу задирает у ее пограничных столпов. Поэтому и употребляет эту науку лишь там, где она применима. А там, где сие допотопное порождение мрачных веков просвещения мешает видеть невидимое, камлач достает из-за пазухи колотушку шаманского знания и раз прёт есть... В частности, шаман понимает любой текущий процесс как (в том числе) яйный. Ибо, конечно, всякому ясно, что вода течет потому, что есть перепад высот. Но кто его создал, кто выбрал путь для реки? Разумеется, дух, который струится, используя перепад. Струит себя и постольку – струи реки. И то же самое происходит, когда я улыбаюсь (меня улыбает). Или когда Ростов несется в атаку (его несет бес конной лавы). Или когда мои глаза боятся, а руки делают...

Филологи говорят, что в возвратности глагола и местоимения выражено значение направленности действия на субъект действия (я вижу себя). Это верно. Но филологи не хотят признавать возвратными некоторые глаголы на «ся», поскольку не видят в них субъекта. А это уже недоразумение. То, что вы называете субъектом, всегда можно обнаружить. Просто надо иметь в виду, что любой процесс в основе своей – одушевленный. Сегодня об этом забыли, но язык хранит память о реалиях, которые ослепленный светом науки человек уже не видит. А между тем, они никуда не исчезли. Кем, например, сказывается сказка? Не сказочником, он лишь инструмент сказывания, а сказка сказывается сама. Здесь частица «ся» указывает на то, что у процесса сказывания есть нечто вроде души, какая-то автономность, своя архе, предполагающая динамис, энергейю и энтелехейю.

Толстой это знал. Он не вымучивал тексты, не напрягался. Он следил за потоками и двигался с ними и в них. Доверял им, даже если казалось, что его несет не туда. И действие развивалось естественно. Вот что в 1878 году Толстой пишет Страхову: «Отчего **напрягаться**? Отчего вы сказали такое слово? Я очень хорошо знаю это чувство – даже теперь последнее время его испытываю: все как будто *готово* для того, чтобы писать – исполнять свою земную

⁶ См. Том Четвёртый, «Шаманские экскурсии. Оракул»

⁷ См. Том Третий, главу «Восемьдесят восьмое – Овишова слобода»

обязанность, а недостает *толчка веры в себя*, в важность дела, недостает *энергии* заблуждения, земной *стихийной энергии*, которую выдумать нельзя. *И нельзя начинать*. Если станешь *напрягаться*, то будешь не естествен, не правдив, а этого нам с вами нельзя» (жирный курсив Толстого – О.Д.).

«Напрягаться» – это нечто очень близкое по смыслу к выдержке, но есть и разница. Перестать напрягаться – значит перестать удерживать себя в определенных рамках (или загонять себя в них), отдаться потоку. А не выдержать – как Ростов – значит потерять самообладание, контроль над собой, оказаться захваченным потоком. Разница в намерении. И здесь начинают проступать интересные аспекты того, что в «И цзин» называется *чжень*.

Напомню, что это слово переводят как «выдержка, стойкость». А шаман в предыдущем экскурсе связал его с яйностью. Чтобы прояснить эту связь, потребуется еще немало усилий, но и сейчас уже можно сказать, что *чжень* указывает на такое отношение «я» и «ся», при котором «я» – это «ся» для какого-то другого «я». Например, Ростов оказался «ся» конной атаки, которая явно обладает собственным «я», которое в этот момент заменяет собой «я» Николая. А это значит, что гусар не удержал свое «я». Не выдержал. Стал одержим каким-то иным, не своим «я», какой-то неведомой силой. Вот он «тронул лошадь, скомандовал и в то же мгновение, услышав за собой звук топота своего развернутого эскадрона, на полных рысях, стал спускаться к драгунам под гору. Едва они сошли под гору, как *неволью* их аллюр рыси перешел в галоп, становившийся все быстрее и быстрее по мере того, как они приближались к своим уланам и скакавшим за ними французскими драгунами».

Сценарий конной атаки прост и понятен: *разогнаться*, опрокинуть, рубить... «С чувством, с которым он несся наперерез волку, Ростов, *выпустив* во весь мах своего донца, скакал наперерез расстроенным рядам французских драгун». Все делается само. Вот выбрана жертва (слово *хэн* изначально значит «приносить жертву»), Ростов скачет за ней. Цель (*ли*) близка: «Николай увидал, что он через несколько мгновений догонит того неприятеля, которого он выбрал своей *целью*. Француз этот, вероятно, офицер – по его мундиру, согнувшись, скакал на своей серой лошади, саблей подгоняя ее. Через мгновенье лошадь Ростова ударила грудью в зад лошади офицера, чуть не сбила ее с ног, и в то же мгновенье Ростов, *сам не зная* зачем, поднял саблю и ударил ею по французу».

Ударил, впрочем, не сильно, так только – намечая необходимое действие. И «в то же мгновение, как он сделал это, все оживление Ростова вдруг исчезло». Почему? Да потому, что цель уже достигнута, жертва принесена. И воодушевление сразу же испарилось. Сдулось то, что напрягало гусара, когда он несся в атаку.

Лев Толстой в Ясной Поляне

«Ростов скакал назад с другими, испытывая какое-то неприятное чувство, сжимавшее ему сердце. Что-то неясное, запутанное, чего он никак *не мог объяснить себе*, открылось ему взятием в плен этого офицера и тем ударом, который он нанес ему». Что именно? А вот смотрим: Ростов ударил француза «сам не зная зачем». Это, конечно, не значит, что он не знает о том, что рубить в бою – положено по сценарию. Это значит лишь, что он действовал бессознательно, был вне себя. А как только пришел в себя стал размышлять о происшедшем. Но все не может понять, что с ним стряслось. Что-то не то. Ростов этим настолько подавлен, что даже не радуется тому, что генерал Остерман-Толстой вместо того, чтобы наказать за самовольную вылазку, благодарит и обещает представить к Георгиевскому кресту.

«Весь этот и следующий день друзья и товарищи Ростова замечали, что он не скучен, не сердит, но молчалив, задумчив и сосредоточен. Он неохотно пил, старался оставаться один и о чем-то все думал». О чем все-таки? Вот как Толстой передает эти мысли: «Так только-то и есть всего то, что называется геройством? И *разве я это делал* для отечества? И в чем он виноват с своей дырочкой и голубыми глазами? А как он испугался! Он думал, что я убью его. За что ж мне убивать его? *У меня рука дрогнула*. А мне дали Георгиевский крест. Ничего, ничего не понимаю!»

Бражники это поймут: пришедший в себя Николай испытывает нечто вроде терзаний похмелья, когда все никак не можешь вспомнить, что это такое вчера натворил во хмелю. А если помнишь свои вчерашние подвиги, спрашиваешь себя: как я мог такое сделать, зачем, почему, ведь я не такой... Ну, разумеется не такой. И все это сделал не ты, а кто-то другой, тот, кто был в тебе в тот момент, был тобой, вел тебя, тобой действовал. А когда сделал то, что ему было нужно, вдруг оставил тебя. И теперь ты задаешься дурацким вопросом: «Разве я это делал для отечества?» А спрашивать надо короче: «Разве я это делал?» На такой вопрос можно ответить четко: нет. Но кто же тогда?

Шаманские экскурсии. Ростов. Ся и Я

Вернемся на поле боя, где с Ростовым случилось событие, смысл которого он все не может понять. Он должен был ждать команды, но не выдержал, толкнул коня, и дальше атака стала развиваться сама собой. В этом, собственно, корень его терзаний: разве я это сделал? Нет, это с ним случилось. Но что случилось? Да то, что он был подхвачен бесом военного счастья, пережил мистический опыт. Это было так неожиданно... Николай в тот момент даже не молится, как он молился несколько раньше, во время охоты на волка, аналогом которой оказался бой под Островне: «С чувством, с которым он несся наперерез волку, Ростов, выпустив во весь мах своего донца, скакал».

Во время охоты Николай молился о том, чтобы на него вышел волк: «Ну, что тебе стоит... сделать это для меня! Знаю, что ты велик, и что грех тебя просить об этом; но ради бога (все курсивы в цитатах мои. – О.Д.) сделай, чтобы на меня вылез матерый». И волк вышел. «Совершилось величайшее счастье – и так просто, без шума, без блеска, без ознаменования». Действительно, все очень буднично. И все так понятно: человек попросил, бог исполнил.

А во время атаки Николай ни о чем и не просит, бог вдруг сам, без всякой молитвы, обрушивается на него.

Вообще-то, обычно так и случается. И только крайняя неосведомленность гусара в духовных делах не позволяет ему пережить это событие так, как переживает его какой-нибудь мистик вроде Иоанна Креста: «Когда Бог дарует душе эту сверхъестественную милость, возникает столь великое единение, что все и в Боге и в душе становится единым в преображении соучастия, и душа кажется больше Богом, нежели душой. По существу, она является Богом в силу соучастия» (этот перевод взят из книги Хорхе Феррера «Новый взгляд на трансперсональную теорию»). Мистики всех времен и народов в один голос твердят о таком единении. И то, что произошло с Николаем, можно описать как причастность к деянию бога военной победы. Или – соучастие в его лихом деле.

Не надо думать, что мистический опыт Иоанна Креста чем-то выше и лучше мистического опыта Николая Ростова. Механизм единения (со-бытия) в обоих случаях тот же самый. Просто Иоанн и другие известные мистики вразумительно описали свой опыт и таким образом утвердили его как нормативный. А Николай только и знает о мистике, что это – нечто связанное с девичьими гаданиями, посещением церкви и молитвами, в которых чего-то просят. То, что знает Ростов, тоже в своем роде мистика, но – выхолощенная. А объяснить гусару, что в его душе, коне и разящей руке, может сидеть настоящий Марс, – в голову никому не пришло. И вот молодец, который только что был одержим божеством, не может понять, что с ним случилось. «Так только-то и есть всего то, что называется геройством?» А вы чего хотели Николай Ильич? Обряда? Заклинаний? Нет, бог военного счастья может явиться непрошенным.

Поскольку Николай не имеет ясного представления о том, что такое мистический опыт и как вести себя, когда бог овладевает тобой, он вспоминает это событие как что-то странное, шокирующее. Тогда как это просто измененное состояние сознания, сон наяву. В некотором смысле эта атака ему и правда приснилась. Я не хочу сказать, что она была нереальна, я лишь хочу подчеркнуть, что она не соответствовала представлениям Николая о повседневной реальности. Дело в том, что состояние сознания, в котором обычно пребывает Ростов, то, что он сам считает своим «я», – это социально обусловленная личность (в психологии Юнга это называется маской или персоной). И ей соответствует реальность, обусловленная требованиями общества, в котором человек сформировался. Социальная личность Ростова ограничена в первую очередь предрассудками того круга, к которому принадлежит его семья.

Все Ростовы ужасно зависимы от того, что о них скажут, как их увидят, оценят. Например, в начале охоты Николай молится своему богу (христианскому, как он думает, хотя молит

его «ради бога»): «Сделай, чтобы на меня вылез матерый, и чтобы Карай, на глазах дядюшки, который вон оттуда смотрит, впился ему мертвой хваткой в горло». Взгляд дядюшки – это всевидящее око бога социальной группы, в которую входит Николай. Но овладевает им совсем другой бог. Как только Ростов видит волка, он начисто забывает и бога, которому только что молился, и связанные с ним требования социальной нормы. Происходит переключение на что-то другое, замена социального «я» на – охотничье. Ростова больше не интересует, что скажет дядюшка, он впадает в раж: «Николай не слышал своего крика, не чувствовал того, что он скачет, не видал ни собак, ни места, по которому он скачет; он видел только волка». Бог охоты, который вывел матерого на Николая, теперь разворачивает сюжет травли, где главный герой – он сам, бог-охотник, с которым Ростов и отождествился.

И точно так же во время атаки. Николай «не выдерживает», теряет связь со своим социальным «я», для которого имеют смысл такие вещи, как моральная норма, отечество, мнение дядюшки, оценка начальства... Бог войны (тут он похож на бога охоты) не знает, что такое отечество. Одержимому им человеку некогда думать о столь отвлеченных вещах. В атаке надо не думать, а драться, быть берсеркером, зверем, забыть все, кроме святой цели: догнать и зарубить. В этом заключена энтелехейя боя, которая, собственно, и направляет Ростова. Но когда он приходит в себя, вновь становится социальной личностью, все меняется. К боевому мистическому опыту припутываются мысли об отечестве.

Отечество вещь, конечно, тоже мистическая, но – совсем в ином роде. Вот, скажем, на параде Ростовым овладевает божественный дух Царя-батюшки. Царь, несомненно, символ отечества. Одержимость им Николай переживает как влюбленность в Александра I: «Он чувствовал, что от одного слова этого человека зависело то, чтобы вся громада эта (и он, связанный с ней, – ничтожная песчинка) пошла бы в огонь и в воду, на преступление, на смерть или на величайшее геройство, и потому-то он не мог не трепетать и не замирать при виде этого приближающегося слова». Это «приближающееся слово» явно сопоставлено со Словом Отца Небесного.

Такова мистика власти. А в бою и на охоте мистический опыт иной, опыт хищного азарта: «Спокойный Илагин, Николай, Наташа и дядюшка летели, сами не зная как и куда, видя только собак и зайца». Полное единение с целью, тождество жертвы и жреца. Волк или заяц травятся, а охотники и собаки охотятся. Тут перед нами самая суть жертвенного действия (вспомним значение пиктограммы *хэн*⁸), в котором жрец, жертва и бог нераздельны.

⁸ См. Том Четвертый. «Шаманские экскурсии. И (1)»

Ростовы на охоте. Акварель Д. Кардовского, 1911

И кстати, Наташа Ростова, участвующая в этой охоте, переживает мистику травли даже острее, чем Николай. Брат в забытьи измененного охотой сознания что-то бормочет себе под нос о собаке и зайце. А сестра верещит буквально, как сам этот заяц: «Наташа, не переводя духа, радостно и восторженно визжала так пронзительно, что в ушах звенело. Она этим визгом выражала всё то, что выражали и другие охотники своим одновременным разговором. И визг этот был так странен, что она сама должна бы была стыдиться этого дикого визга и все бы должны были удивиться ему, ежели бы это было в другое время».

То, что Толстой называет здесь «она сама», – есть социальное «я», которое «не выдержало», вытеснилось. Девушка не смогла удержать нормативную личность, одержима бесом охоты, который визжит из нее. Но и эта, скажем так, Артемида ненадолго удержится в ней. Скоро в Наташе начнет действовать другое «я». И это будет совершенно другая Наташа. Уже через пару часов она пойдет в пляс у дядюшки, и сам Толстой удивится: «Где, как, когда всосала в себя из того русского воздуха, которым она дышала, – эта графинечка, воспитанная эми-

гранткой-француженкой, – этот дух?» Пройдет еще немного времени, и Наташа встретит Курагина. Тогда ею овладеет совершенно другая духовная сущность, блудливая Венера. А в конце романа мы узнаем в графинечке многоплодную Великую мать. И спросим себя: а где же настоящая Наташа? Есть ли что-то такое, что объединяет все эти состояния?

Разумеется, есть, а иначе какие могут быть я, вы, Наташа... Но об этом, о самости, которая являет себя в обыденной жизни как *чжэнь* (или все-таки скажем по-русски – держь), мы будем говорить в специальном экскурсе. А сейчас лишь заметим, что одержимость бывает разная. Одно дело, когда мной что-то делается, и совсем другое – когда что-то делается со мной. В обоих случаях дело делается само. Но в первом случае я активный участник. Я сам варю рис, сам пишу, сам скачу, хотя и понимаю (а могу и не понимать), что несусь на гребне волны, использую энергейю потока, согласен с ним, печенкою чую, что архе потока благоприятствует мне. И совсем другое дело, если со мной что-то делается. Тут я совершенно страдателен, я жертва, я пища. Я лишь объект чужого действия (возможно, впрочем, полезного мне). Дело делается против моей воли. Я хочу, но не могу действовать сам.

Обычно люди не знают, что именно и куда их несет, не видят потоков, просто барахтаются в них, пытаюсь выплыть в нужном им направлении, часто – против течения. И таким образом попусту теряют силы. А потом говорят: кто-то хапнул мою энергию. На самом-то деле не хапнул энергию (физическую), а подменил архе, то есть – смысл (энергейю) и цель (энтелехейю) потока. Давайте посмотрим, как это бывает. Вот Николай Ростов был с детства влюблен в бесприданницу Сою. Влюбленность – это, конечно, одержимость, тянущая к некоей цели (я об этом не раз говорил⁹). Но в том-то и фокус, что Соня – отнюдь не та цель, к которой должен стремиться Николушка. И дело даже не в том, что родители не хотят этого брака. Дело в том, что какая-то сила в душе Николая уже решила, что Соня – ложная цель, хотя сам он об этом решении еще даже не подозревает. В принципе, это напоминает ситуацию перед началом атаки: что-то уже началось, но еще не проявилось в конкретных зримых всем действиях.

И все же мы можем увидеть, как преследование ложной цели ведет к лишению средств (энергии) для ее достижения. В случае Ростова – буквально денежных средств. Смотрите: что-то, какая-то сила заставляет бретера и игрока Долохова влюбиться в Сою. Знакомит их, конечно, Николай, что и позволяет считать, что инициатива дальнейшего – если и не исходит от него самого, то – проходит через него. Долохов делает Соне предложение и получает отказ. А на третий день после этого приглашает Ростова на прощальную пирушку. Теперь следим за руками. Долохов мечет банк и предлагает Николаю поставить. Тот по природе своей не игрок, к тому же слышал, что Долохов не чист на руку. Чую подвох, гусар мнется. Долохов: «Да и лучше не играй». Но далее:

«Придвинув вперед деньги, Долохов приготовился метать. Ростов сел подле него и сначала не играл. Долохов взглядывал на него.

– Что ж не играешь? – сказал Долохов. И странно, Николай *почувствовал необходимость* взять карту, поставить на нее незначительный куш и начать игру».

Дальнейшее напоминает охоту или атаку. Но только Николай здесь играет роль жертвы. Он как бы загипнотизирован, попал в поле действие чужой воли, движется в потоке, который направляет Долохов (или кто-то, стоящий за ним).

«Все карты Ростова *бились*, и на него было написано до восьмисот рублей. Он надписал было над одной картой восемьсот рублей, но в то время, как ему подавали шампанское, он раздумал и написал опять обыкновенный куш, двадцать рублей.

– Оставь, – сказал Долохов, хотя он, казалось, и не смотрел на Ростова, – скорее отыграешься. Другим даю, а тебе бью. Или ты меня боишься? – повторил он.

⁹ См. Том Четвертый. «Шаманские экскурсии. Фюсис»

Ростов *повиновался*, оставил написанные восемьсот и поставил семерку червей с оторванным уголком, которую он поднял с земли. Он хорошо ее после помнил».

По сути это зловещий сон. Человек сам не свой, он осознает происходящее, но абсолютно лишен своей воли. Вся воля здесь – Долохова. Николаю кажется, что он сам делает ставки, но это не так. Ставки делаются не им. Эта игра – ясный пример того, как посторонняя сила, чужое «я», овладев человеком, цепко держит его и тащит, может быть, на убой. Знакомо вам это? Конечно, знакомо. Тебя влечет какой-то поток, ты чувствуешь, что попал, но ничего не можешь поделать. Не можешь проснуться. С тобой вот именно что-то делается, ты не принадлежишь сам себе, ты вроде бы – ты, но – нет, ты игрушка в чьих-то руках.

Эта игра остановится только в момент, когда ее решит остановить Долохов. А он решил остановить ее после того, как Николай проиграет 43 тысячи (43 – это сумма лет Долохова и Сони). Ростов не может знать этого. Он вообще не понимает, что с ним происходит. Но он улавливает детали своего сновидения: «Одно мучительное впечатление не оставляло его: эти ширококостые, красноватые *руки* с волосами, видневшимися из-под рубашки, эти руки, которые он любил и ненавидел, *держали его в своей власти*». Шаман истолкует эти детали как симптомы манипулирования. И отметит, что при полной невозможности вернуть свою волю, взять себя в свои руки, проснуться, при всей страдательной саянности Николая, в его кошмаре все же присутствует некое «я»: «Я так был счастлив, так свободен, весел! И я не понимал тогда, как я был счастлив! Когда же это кончилось, и когда началось это новое, ужасное состояние? Чем ознаменовалась эта перемена? /.../ Когда же это совершилось, и что такое *совершилось*? Я здоров, силен и всё тот же, и всё на том же месте. Нет, это не может быть! Верно, все это ничем не кончится».

Типичная ошибка человека, попавшего в поле чужой энергетикой (семантики). Пробуждение от этого сна наяву будет ужасным. За привязанность к Соне придется платить. «Когда прикажете получить деньги, граф?» – спрашивает Долохов.

«Ростов вспыхнув, вызвал Долохова в другую комнату.

– Я не могу вдруг заплатить все, ты возьмешь вексель, – сказал он.

– Послушай, Ростов, – сказал Долохов, ясно улыбаясь и глядя в глаза Николаю, – ты знаешь поговорку: «Счастлив в любви, несчастлив в картах». Кузина твоя влюблена в тебя. Я знаю.

«О, это ужасно *чувствовать себя так во власти этого человека*», – думал Ростов».

Николай ничего и слышать не хочет о своих отношениях с Соней: «Моя кузина тут ни причем». Однако именно детская влюбленность в нее привела к тому, что он так проигрался. Теперь его жизнь переменится. Да, Ростов еще долго будет считать, что лучшей жены, чем кузина, ему не найти, но процесс отторжения Сони как цели, к которой надо стремиться, уже вовсю разворачивается. Он четко проявился в ходе этой злосчастной игры. А завершится этот процесс примерно к началу войны 1812 года. Новая жизнь Николая начнется ровно в момент, когда под Островне он вдруг потеряет свое социальное «я» (персону), а придя в себя, будет мучиться, не понимая, что с ним приключилось.

Собственно, он и не может понимать таких вещей, у его персоны нет для этого инструментария. Но ведь в Николае сидит много всякого, он может переживать мистические приходы и претерпевать перемены, которые те с собою несут. Потеря себя стала стартом процесса, который поведет его к новой цели. Причем перемены (в смысле «И цзин») начинаются сразу же после атаки. В конце главки, в которой рассказано о том, как Ростов не выдержал, Толстой как бы между делом замечает: «Но пока Николай перерабатывал в себе эти вопросы и все-таки не дал себе ясного отчета в том, что так смутило его, колесо счастья по службе, как это часто бывает, *повернулось* в его пользу. Его выдвинули вперед после Островненского дела, дали ему батальон гусаров и, когда нужно было употребить храброго офицера, давали ему поручения».

В общем, раз и попёрло! Успех по службе, однако, совсем не та цель, к которой понесся Ростов, когда, не выдержав, толкнул своего коня. Какова ж тогда цель? Ну, конечно, княжна Марья Болконская, с которой он пока еще не знаком, но на которой женится в эпилоге романа.

А теперь, продолжая читать книгу перемен Льва Толстого, посмотрим, какой из гексаграмм «И цзин» соответствует процесс, начавшийся с атаки, разобранный в этом экскурсе.

Шаманские экскурсии. Ростов. Кунь

Если бы где-то в начале июня 1812 года (когда Наполеон готовился перейти русскую границу) кто-нибудь погадал Николаю Ростову по «Книге перемен», то, можете не сомневаться, ему бы выпала гексаграмма *Кунь* (Исполнение, Восприимчивость, Земля). Конечно, гадать литературным героям нет смысла. Но я и не говорю о гадании как таковом. Я говорю лишь о том, что в семантическом поле романа Николай движется по траектории, соответствующей развертыванию архе гексаграммы *Кунь*, в чем мы сейчас и убедимся.

Кунь – это вторая в порядке Вэнь-Вана гексаграмма «Книги перемен»¹⁰, она целиком состоит из одних лишь разорванных *яо* (линий), Шестерок, черт *Инь* (то есть – женских, слабых, податливых, мягких, теневых). Текст ко всей гексаграмме (*гуа цы*) в переводе Юлиана Щуцкого выглядит так (я беру его филологический перевод):

«Исполнение. Изначальное свершение; благоприятна стойкость кобылицы. Княжичу есть, куда выступить. Выдвинется <он> – заблудится, последует – обретет господина. Благоприятно: на юго-западе обрести друзей, на северо-востоке – утратить друзей. <Пребудешь> спокойно в стойкости – будет счастье».

У Бронислава Виноградского то же самое переводится несколько по-иному:

«КУНЬ

Главное-ЮАНЬ Сообщение-ХЭН

Польза-ЛИ Выдержка-ЧЖЭНЬ самки лошади.

Цзюнь-цзы (государю-мудрецу) – наличие куда уйти

сначала блуждает – затем обретает хозяина (контроль)

Польза-ЛИ

на юго-западе обретение друга (союзника, родственной души)

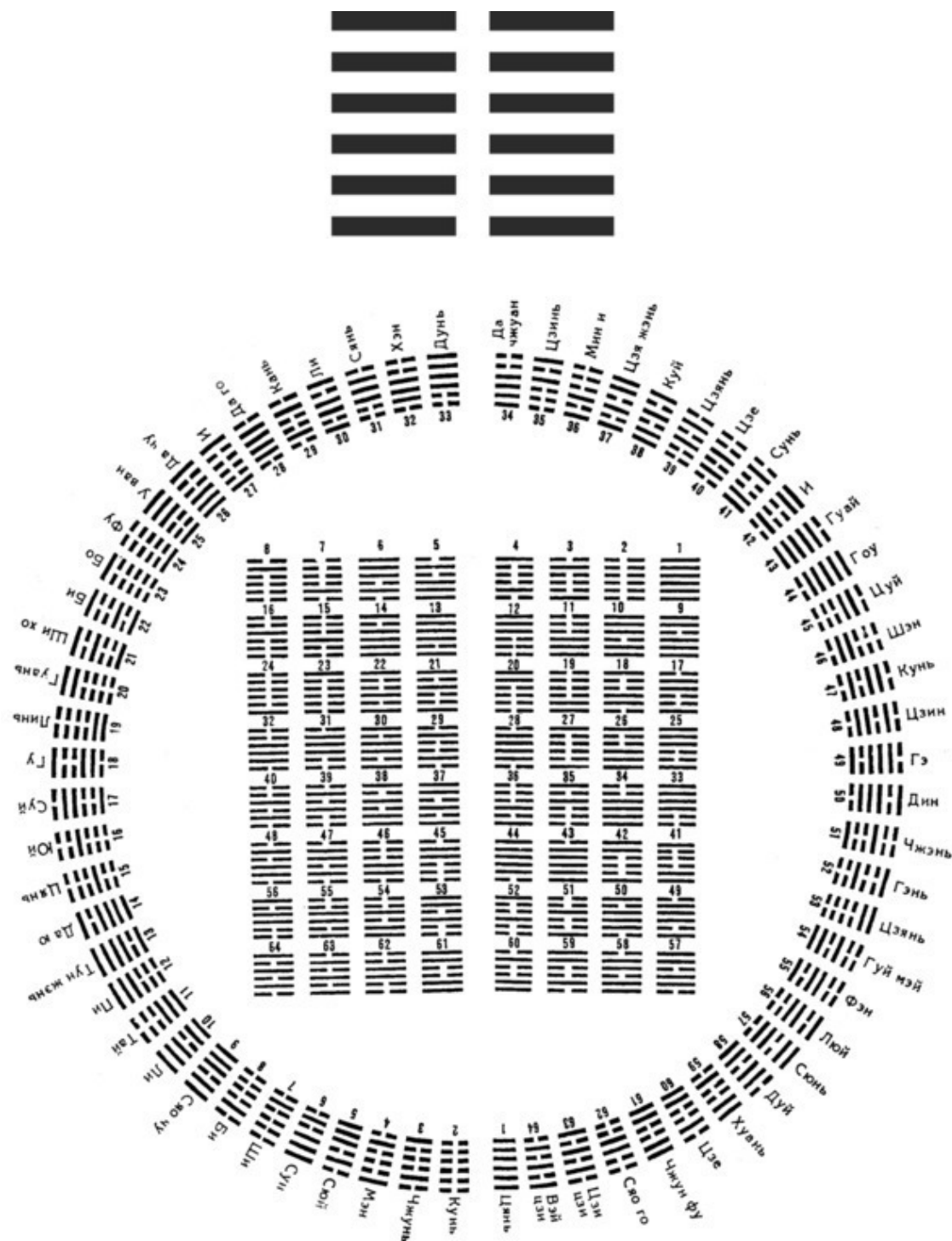
на северо-востоке утрата друга

в спокойной Выдержке-ЧЖЭНЬ – счастье».

Как видим, словами «Изначальное свершение; благоприятна стойкость» Щуцкий переводит *юань хэн ли чжэнь*, мантическую формулу, смысл которой мы уже обсуждали¹¹. И выяснили, что на шаманский язык она переводится как «толкнуло – понесло – готово – одержит». А проще говоря: «раз – прёт – вот – держь». В данном случае речь идет о держи кобылицы. Толстой, кажется, не уточняет половой принадлежности казачьей лошади Николая, которая (см. предыдущий экскурс) «так горячо просилась вперед, что он не мог *выдержать*». Но, собственно, нам не так уж и важно, кобылу или жеребца он толкнул, когда понесся в атаку. Ибо настоящей кобылицей, которая будет нести Николая к цели, является женственная часть его души, анима, которая вскоре материализуется в облике княжны Марьи Болконской. Именно она – подлинная энтелехейя процесса, который приведет Николая к цели: женитьбе.

¹⁰ Об устройстве «Книги Перемен» я писал в главе «Шаманские экскурсии. И (1)». См. Том Четвёртый.

¹¹ См. Том Четвёртый, Шаманские экскурсии «И (1)» и «И (2)»

Квадратное и круговое расположение гексограмм «И Цзин» в порядке Вэнь-вана

Поэтому формулу движения графа Ростова по жизни от достопамятной атаки до свадьбы мы сейчас уточним так: *юань хэн ли Марья чжэнь*. И отметим, что в пространстве романа «княжичу» (молодому Ростову), несомненно, есть куда выступить. Некоторое время он еще будет блуждать, но вскоре обязательно «обретет хозяина (контроль)», попадет под державу Марьи. Сначала она будет действовать издали, через женскую, иньскую часть души Николая, а потом, когда станет его женой, будет контролировать непосредственно, применяя свою духовную силу, то есть – женственную слабость. Таким образом, цель движения Николая – Марья, изначально сидящая в его душе в виде духовного образца (анимы). Ростов будет одержим (*чжэнь*) ею как

энтелехейей (*ли*) на всех этапах развития архе гексаграммы *Кунь* (Исполнение). Как и сказано: «В спокойной Выдержке-*ЧЖЭНЬ* – счастье».

Что же касается утраты друга на северо-востоке и обретения друга на юго-западе, то это смена цели (*ли*) движения с Сони на Марью, о чем мы говорили в предыдущей главе и еще поговорим. Ничего, если поначалу что-то будет неясно. Полная ясность должна наступить после того, как мы пройдем снизу вверх (как положено) вслед за Ростовым по всем ступеням архетипа *Кунь*. На этом пути я буду опираться на перевод Виноградского, при необходимости поясняя его другими переводами и комментариями.

1.
«Начальная Шестерка
Ступая по инею
достигнешь твердого льда».

Собственно, первую ступень знака *Кунь* в применении к роману Толстого мы проанализировали в предыдущем экскурсе. Ростов не выдержал, толкнул лошадь, понесся атаку и потом все не мог понять, что с ним случилось. Комментируя эту ступень, Щуцкий говорит: «Первый момент Исполнения таков, что в нем еще незаметно оно само. И тем не менее оно будет осуществляться с полной необходимостью». И верно: в момент, когда Николай начинает атаку (вступает на иней), еще невозможно вообразить, как крепок будет тот «лед», в который этот «иней» превратится. Сам-то Ростов и не может знать, что его поступок – лишь первый шаг на долгом пути к цели Исполнения. Но даже опытному шаману пока что не видно, к чему это движение приведет. И все же оно уже осуществляется: «*Инь* начинает сгущаться», как говорит старинный комментарий «Сяо Сян» («Малый Образ»). И будет продолжать сгущаться по мере того, как Николай шаг за шагом будет двигаться к цели, определенной данным архетипом. До цели еще далеко, но Марья появится уже на следующем этапе.

2.
Текст следующей ступени:

«Шестерка вторая
Величина (величие) квадрата в прямоте
нет повторения (не практикуй)
отсутствие не Пользы-*ЛИ*».

Гм-гм! Ну, посмотрим, как это выглядит у Толстого. Прошло чуть больше месяца с тех пор, как атака под Островне выявила первый этап знака *Кунь*, и вот «17-го августа Ростов и Ильин, сопутствуемые только что вернувшимся из плена Лаврушкой и вестовым гусаром /.../, поехали кататься верхами». Собирались вроде поискать сена, но движутся наобум, куда глаза глядят, на все четыре стороны. А это, собственно, и есть «квадрат» («распределение по сторонам», как объясняется в «Сяо Сян»). Николай, разумеется, скачет все на той же лошадке, что понесла его в атаку. И вот эта волшебная лошадь вносит его в Богучарово (все имена здесь значимы), где томится княжна Марья, которой бунтующие мужики не позволяют бежать от французов. Николай понятия не имеет, куда его занесло. «Княжна Марья, потерянная и бессильная (здесь и далее все курсивы в цитатах Толстого мои, но разъяснять я буду не все. – *О.Д.*), сидела в зале, в то время как к ней ввели Ростова. Она не понимала, кто он, и зачем он, и что с нею будет. /.../ Ростову тотчас же представилось что-то романическое в этой встрече». Его мысль: «И какая-то странная судьба натолкнула меня сюда!».

Да, это судьба, в этой как бы бесцельной поездке нет ничего бесцельного («отсутствие не Пользы-ЛИ»). Марья своей иньской слабостью сразу же жестко (хотя и невольно) программирует Николая. Поговорив с ней, он направляется к бунтующим мужикам уже «не помня себя». По дороге слышит, что без воинской команды «неблагоразумно противоборствовать им». «Я им дам воинскую команду... Я их попротивоборствую, – *бессмысленно* приговаривал Николай, задыхаясь от *неразумной животной злобы и потребности излить* эту злобу. *Не соображая* того, что будет делать, *бессознательно*, быстрым, решительным шагом он подвигался к толпе».

Дальше действия, мордобой... «Шапки долой, изменники! – *крикнул полнокровный голос* Ростова. – Где староста? – *неистовым голосом* кричал он». Николай в тот момент явно действовал не сам, но – им (и в нем) кто-то действовал. Он был точно в бреду, его несло. Он «бессмысленно приговаривал», он задыхался «от неразумной животной злобы и потребности излить», «не соображая», «бессознательно», «бессмысленно, не своим голосом завопил»... В общем, прорезавшееся в Николае неистовое существо спасло княжну. И она влюбилась. Однако – в кого? В Ростова? В то существо, которое из него так страшно кричало? Или, может, в кого-нибудь третьего? Будем выяснять.

«И надо было ему приехать в Богучарово, и *в эту самую минуту!* – думала княжна Марья. – И надо было его сестре отказать князю Андрею!» Толстой подчеркивает, что «во всем этом княжна Марья видела *волю providенья*». Иными словами: чувствовала, что попала в сюжетный поток, может быть – историю любви. Конечно, и Николай уже тоже влюбился. «Когда он вспоминал про нее, ему становилось весело, и когда товарищи, узнав о бывшем с ним приключении в Богучарове, шутили ему, что он, поехав за сеном, подцепил одну из самых богатых невест в России, Ростов сердился». Шутка точная: отправившись куда глаза глядят, он, как в сказке, набрел на царевну. А сердится он потому, что уже дал слово Соне. Эта проблема будет решаться на следующих этапах развёртывания *Кунь*.

А здесь не худо отметить, что вторая ступень в этой гексаграмме считается главной. Щуцкий говорит: «В ней по преимуществу выражено качество данного символа. И раз в данном случае это качество налично в самой полной мере, то здесь не требуются никакие предварительные упражнения; не нужна никакая предварительная подготовка, а все складывается благоприятно само собой». В этом и смысл речения ко второй позиции: «не практикуй», то есть – не действуй сам, предоставь дело тому, кто в тебе. Ибо все, что он сейчас делает, имеет далекую цель (*ли*). А это и значит, что в том, что сейчас происходит с тобой, нет для тебя ничего бесцельного («отсутствие не Пользы-ЛИ»). «Сяо сян» поясняет: «отсутствует не Польза: свет на Пути Земли».

3.

Продолжаем двигаться по ступеням Кунь.

«Шестерка третья

Содержит (хранит) отчетливость

возможна Выдержка-ЧЖЭНЬ

может быть – подчинишься в делах правителю

отсутствие завершенности и наличие конца».

О чем идет речь? А вот о чем: близится Бородинское сражение, которое произойдет на девятый день после встречи Николая с Марьей (и числа здесь символичны). Николай в нем участвовать не будет. Его архе предусматривает совершенного иной сценарий. Поток несет гусара в Воронеж, закупать **лошадей** для дивизии. Но в рамках гексаграммы *Кунь* интересна только одна кобылица... Побывав днем на конном заводе, Николай вечером пляшет на балу

у губернатора, флиртует с какой-то замужней кобылкой... Как вдруг попёрло. Подходит губернаторша, которую он называет запросто тетей: «Анна Игнатьевна хочет тебя видеть, Nicolas... Она слышала о тебе от своей племянницы, как ты спас ее... Угадаешь?.. Ее племянницу, княжну Болконскую. Она здесь, в Воронеже, с теткой. Ого! как покраснел! Что, или?..».

Ростов: «И *не думал*, полноте, *ma tante*». Конечно, «не думал». Человеку, которого так резво несет, думать не надо, все делается само. Свидание с Марьей теперь неизбежно (при упоминании о княжне Николай испытывает «*непонятное для него самого*» чувство застенчивости, даже *страха*). Губернаторша начинает действовать. Она здесь играет роль того самого «правителя», которому герой (согласно «И цзин») может «подчиниться в делах». На предыдущем этапе *дело делалось* (что и есть энергея по Аристотелю¹²) кем-то сидящим внутри Николая, а здесь оно будет *делаться* тетушкой, которую поток *Кунь* использует для достижения архетипической цели. Вот губернаторша отводит Николая в сторону: «Хочешь, я тебя сосватаю». Гусар, как будто руководствуясь текстом «И цзин» для третьей ступени (в переводе Щуцкого: «Возможно, что если будешь действовать, следуя за вождем, сам не совершая ничего, то дело будет доведено до конца»), отвечает ей: «Я, *ma tante*, как следует солдату, никуда не напрашиваюсь и ни от чего не отказываюсь, – сказал Ростов *прежде, чем он успел подумать* о том, что он говорит».

Но позже... «Что я за глупость сказал, однако, губернаторше! – вдруг за ужином вспомнилось Николаю. – Она точно сватать начнет, а Соня?...» И, уже в конце вечера, прощаясь с тетушкой, когда она сказала ему: «Ну, так помни же», – он вдруг отвел ее в сторону.

Собственно, тут Ростов пытается проявить «Выдержку-*ЧЖЭНЬ*» в отношении Сони, которая ведь все еще его крепко держит. Но в то же самое время уже готов окончательно «подчиниться в делах правителю» (тетушке). И в конце концов не выдерживает, подчиняется: «Николай *вдруг* (это слово обычно указывает на переключения действующих субъектов внутри человека. – *О.Д.*) *почувствовал желание и необходимость* рассказать все свои задушевные мысли (такие, которые и не рассказал бы матери, сестре, другу) этой почти чужой женщине. Николаю потом, когда он вспоминал об этом порыве ничем не вызванной, необъяснимой откровенности, которая имела, однако, для него очень важные *последствия*, казалось (как это и кажется всегда людям), что так, глупый *стих нашел*; а между тем этот *порыв откровенности*, вместе с другими мелкими событиями, имел для него и для всей семьи *огромные последствия*».

Этот «порыв откровенности» так же спонтанен, как порыв опрокинуть французских драгун. Фактически это один и тот же порыв, движение, которое привело Николая сперва в Богучарово (где он прекрасно действовал, но не сам), а теперь – в Воронеж, где он отдает инициативу в руки губернаторши. Точней, это – разные формы и стадии все того же порыва к Марье. А иначе и быть не может, поскольку *юань хэн ли Марья чжэнь* характеризует весь тот поток, который несет Николая. Но Соня... И тут нам надо четко понять, что *чжэнь*, которая держит Ростова в потоке движения к Марье, – совсем не та же самая *чжэнь*, которая все еще держит его привязанным к Соне. В том-то и фокус, что Николая сейчас держат две женщины, положение его амбивалентно.

Кстати, слово «валентность» (от латинского слова *valentio*, сила, которому родственно русское «воля») совершенно четко вскрывает глубинный смысл того, что есть *чжэнь*. Марья и Соня – это как бы две валентности (как в химии), к которым может подключиться Николай. Но он-то один. Вот если бы он мог создать гарем или хотя бы взять наложницу (как в старом Китае), тогда бы никаких проблем не возникло. Но предрассудки социума, в котором развивается действие нашего романа, исключают всякую полигамию. И поэтому происходит конкуренция валентностей, сил, которыми может быть одержим Николай.

¹² См. Том Четвёртый, главу «Шаманские экскурсии. И (2)»

«Книга перемен», будучи максимально обобщенным описанием действия архетипов, конечно, не рассматривает таких деталей. Однако указывает на возможность смены валентностей, удерживающих (*чжэнь*) героя. Слова «возможна Выдержка-*ЧЖЭНЬ*» в данном случае следует отнести скорее к одержимости Николая Сонеи. Но в целом поток «хранит отчетливость» его движения к Марье. Демон, который направляет этот поток (и которым одержим Ростов) купирует *чжэнь* (держь) Сони, вытесняет бедняжку из души гусара и так крепко держит его, что ему ничего не остается, как только «подчиниться в делах правителю», губернаторше.

Рассказав ей о Соне, выслушав ее доводы о невозможности женитьбы на бедной кузине («ему приятно было слышать эти выводы»), Николай через какое-то время встречается с Марьей. Обычно неловкая княжна ведет себя на сей раз безупречно. Даже опытная кокетка «не могла бы лучше маневрировать при встрече с человеком, которому надо было понравиться». Ростов «чувствовал, что существо, бывшее перед ним, было совсем другое, лучшее, чем все те, которые он встречал до сих пор». Он сражен. С этого момента кобылица Марья уже актуально поселяется в его душе, утверждает себя энергейей и энтелехейей (а попросту – лошадиной силой) потока, который несет Николая. Который ведет себя в этом потоке так, будто все время сверяется с «Книгой перемен».

«После короткой, но искренней борьбы между попыткой *устроить свою жизнь по своему разуму и смиренным подчинением* обстоятельствам, он выбрал последнее и *предоставил себя той власти*, которая его (он чувствовал) непреодолимо *влекла куда-то*. Он знал, что, обещав Соне, высказать свои чувства княжне Марье было бы то, что он называл подлостью. И он знал, что подлости никогда не сделает. Но он знал тоже (и не то, что знал, а *в глубине души чувствовал*), что, *отдаваясь теперь во власть* обстоятельств и людей, *руководивших им*, он не только не делает ничего дурного, но делает что-то очень, очень *важное*, такое важное, *чего он еще никогда не делал* в жизни».

Тут, впрочем, не одно только внешнее руководство. Нечто продолжает действовать и из самого нутра Николая. Например вот, получено известие о ранении Андрея Болконского. В этот день Ростов встречает Марью в церкви. «Как и прежде бывало с Николаем *в ее присутствии*, он, *не дожидаясь совета* губернаторши подойти к ней, *не спрашивая себя*, хорошо ли, прилично ли или нет будет его обращение к ней здесь, в церкви, подошел к ней и сказал, что он слышал о ее горе и всей душой соболезнует ему». Сказал и тем самым как бы включил что-то в Марье: «Едва только она услышала его голос, как *вдруг яркий свет загорелся в ее лице, освещая* в одно и то же время и печаль ее, и радость». Этот свет высвечивает внутреннюю красоту некрасивой княжны. Николай и раньше его замечал. «Но нынешняя встреча с княжной Марьей в церкви (Николай чувствовал это) *засела ему глубже в сердце*, чем он это предвидел».

При этом он все еще продолжает думать о Соне. «И невольно ему представилось сравнение между двумя: бедность в одной и богатство в другой *тех духовных даров*, которых не имел Николай». Эти «дары» вовсе не обязательно что-то сугубо христианское. Скажем, тот «яркий свет», который периодически вдруг загорается Марье, отдает скорее чем-нибудь демоническим, пером жар-птицы из «Конька-горбунка»¹³, которое программирует жизнь и карьеру Ивана, тянет к женитьбе на Царь-девице. Свет, который включается в Марье, – тоже тянет Ростова. Но и пугает. «Мечтания о Соне имели в себе что-то веселое, игрушечное. Но думать о княжне Марье всегда было трудно и немного страшно».

Утрата друга и обретение нового – трудный процесс. Николай вспоминает, как Марья молилась: «Да, это та молитва, которая сдвигает горы, и я уверен, что молитва ее будет исполнена. Отчего я не молюсь о том, что мне нужно?» А что ему нужно? Да освободиться

¹³ См. Том Четвертый. «Шаманские экскурсии. Стило Жар-птицы»

от Сони. «И, умиленный воспоминаниями о княжне Марье, он начал молиться так, как он давно не молился».

Тут входит денщик. Почта. «Тот, казавшийся неразрешимым, узел, который связывал свободу Ростова, был разрешен этим неожиданным (как казалось Николаю), ничем не вызванным письмом Сони». Она писала, что решила «отречься от его обещаний и дать ему полную свободу». О как прёт! «То, о чем он только что молился, с уверенностью, что бог исполнит его молитву, было исполнено». Просто совпадение? Юнговская синхрония? Чудо? «Сяо Сян», комментируя третью позицию *Кунь* (Исполнение), говорит, что слова «может, и подчинишься в делах правителю» означают «осознание величия света».

Работа Чжао Мэнфу (1254 —1322), великого китайского поэта, художника и каллиграфа времен династии Юань

Впрочем, одновременно с письмом от Сони Николай получает письмо от матери, в котором сказано, что «князь Андрей в числе раненых ехал вместе с ними». На пути соединения Николая и Марьи – возникает препятствие. Если Андрей выживет и женится на Наташе Ростовой, Николаю нельзя уже будет жениться на Марье. Это в данном случае и означает «отсутствие завершенности и наличие конца».

4.

Считается, что три нижних ступени гексаграммы характеризуют скрытую, внутреннюю стадию процесса перемен, а три верхние – его внешнее оформление (начинающееся, впрочем, уже на третьей ступени). На первых трех этапах Ростовым явно руководит какая-то (только не говорите мне о воле автора) сила. Он почему-то тронул коня и пошел в атаку. Почему-то поехал кататься в сторону Богучарова и вел там себя безумно, но правильно. Что-то направило его в Воронеж, заставило откликнуться на предложение губернаторши, толкнуло молиться и вот – письмо Сони. Процесс созрел, дальше он должен как-то внешне оформиться. В данном случае оформлением должно быть официальное предложение. Однако как раз о женитьбе между Николаем и Марьей на третьей позиции ни слова не сказано, хотя к ней все уже подго-

товлено. И эта «незавершенность» (при «наличии конца») обернется большими проблемами на четвертой позиции.

Собственно, четвертая ступень – это зона турбулентности (вспомним Одиссея на Триникрии¹⁴), здесь практически всегда возникают трудности. О них говорят тексты почти к любой гексаграмме. В случае архетипа *Кунь* это выражено так:

**«Шестерка четвертая
Завязанный мешок
отсутствие неприятностей и отсутствие хвалы
(славы)».**

Словами «завязанный мешок» описан период оукливания, когда гусеница превращается в бабочку. Противоречивый процесс. Смерть князя Андрея открывает Николаю дорогу к Марье, но смерть старого графа Ростова – ее закрывает: долги по наследству, отставка, безденежье... Николай замыкается, фактически, сам себя загоняет в мешок. Он «ничего не желал, ни на что не надеялся; и в самой глубине души испытывал мрачное и строгое наслаждение в безропотном перенесении своего положения. Он старался избегать прежних знакомых с их соболезнованием и предложениями оскорбительной помощи, избегал всякого рассеяния и развлечения, даже дома ничем не занимался, кроме раскладывания карт с своей матерью, молчаливыми прогулками по комнате и курением трубки за трубкой».

Четкое описание естественного кризиса пассивного человека, попавшего в зону затишья. Ростова ничто не несет, и его безынициативность оборачивается полной остановкой движения. Может показаться, что это конец. Но в начале зимы 1813 года в Москву приезжает княжна Марья. Из элементарной вежливости она должна побывать у Ростовых. «Но, вспоминая свои отношения к Николаю в Воронеже, она боялась этого». И правильно. Вот что происходит, когда она появляется в доме Ростова: «При первом взгляде на нее лицо Николая вместо выражения радости, которую ожидала увидеть на нем княжна Марья, приняло невиданное прежде княжной выражение холодности, сухости и гордости». Николай не хочет вылезать из мешка, не хочет видеть Марью, не хочет делать ответный визит. Но мать заставляет.

5.

Пятая ступень практически любой гексаграммы «И цзин» – это полное раскрытие всего процесса, его осуществление, завершение, достижение цели. Как правило, эта позиция резонирует со второй ступенью, которая в ситуации *Кунь* является основной. Именно на второй ступени Николай впервые встречается с Марьей, и начинается их роман. На пятой позиции эти отношения должны материализоваться в брак. Текст к данной ступени гласит:

**«Шестерка пятая
Желтое исподнее
в Главном-ЮАНЬ – счастье».**

Речь тут, разумеется, не о белье, в котором Николай является к Марье, но – об исподнем его души. О том, что скрыто за его внешней холодностью, но в ходе этого визита выйдет наружу. О том, что изначально (*юань*) двигало Ростовым на всех предыдущих этапах. Что несло Николая по жизни с момента атаки. Что с первого взгляда увидела Марья. Что расцвело, когда шло сватовство... Но почти уже готовое дело не завершилось. А на четвертой ступени это внутреннее существо Николая («желтое исподнее») и вовсе скрылось в «мешке». Теперь

¹⁴ См. Том Четвёртый, главу «Шаманские экскурсии. Оракул»

его надо оттуда извлечь. Это не так-то легко. Николай абсолютно пассивен. Действовать придется Марье, которая не понимает, что происходит. Хотя и видит, что «его холодный, учтивый тон не вытекал из его чувства к ней (она это знала), а тон этот прикрывал что-то. Это что-то ей надо было разяснить; и до тех пор она чувствовала, что не могла быть покойна».

Итак, Николай приезжает, садится, ведет пустой разговор. «Когда прошли те требуемые приличием десять минут, после которых гость может встать, Николай поднялся, прощаясь». Если бы он так и ушел, это был бы совсем другой сюжет, другая архетипика и, конечно, другая гексаграмма.

Например, согласно концепции переходности линий, это могла бы быть гексаграмма №8, *Би* (Приближение), в которой на пятой позиции стоит Девятка, янская черта (при всех прочих иньских). Смысл текста к пятой ступени *Би* заключается в том, что ловец оставляет выход для дичи, которая хочет уйти и берет лишь ту дичь, которая выходит прямо на него. Это значило бы, что Марья отпускает Николая. Но в таком случае все предыдущие события – даже если бы они были в точности теми же, что произошли до этого момента, – имели бы совершенно другой смысл. Например, если бы Николай женился на Соне, его любовь к Марье выглядела бы как мимолетное увлечение, доставившее Соне много горя, но счастливо для нее завершившееся. Можно рассмотреть и другие возможности (они видны в черновиках Толстого), но – не сейчас.

Сейчас замечу лишь, что Толстой собирался назвать свой роман «Все хорошо, что хорошо кончается». Но написал «Войну и мир». И в этом тексте у Сони нет шансов. Придя к Марье, Ростов уже не может вырваться. А это значит, что на пятой ступени случается то, что определяет все события, происшедшие с Николаем с момента атаки, как этапы развития архетипа *Кунь* (а не какого-то другого). Так что там у них случилось?

«Княжна с помощью m-lle Bourienne *выдержала* разговор очень хорошо; но в самую последнюю минуту, в то время как он поднялся, она так устала говорить о том, до чего ей не было дела, и мысль о том, за что ей одной так мало дано радостей в жизни, так *заняла* ее, что она в *припадке рассеянности*, устремив вперед себя свои *лучистые глаза*, сидела неподвижно, не замечая, что он поднялся.

Николай посмотрел на нее и, желая сделать вид, что он не замечает ее рассеянности, сказал несколько слов m-lle Bourienne и опять взглянул на княжну. Она сидела так же неподвижно, и на нежном лице ее выражалось страдание. Ему *вдруг стало* жалко ее и смутно представилось, что, может быть, он был причиной той печали, которая выражалась на ее лице. Ему захотелось помочь ей, сказать ей что-нибудь приятное; но он не мог придумать, что бы сказать ей.

– Прощайте, княжна, – сказал он. Она *опомнилась*, вспыхнула и тяжело вздохнула.

– Ах, виновата, – сказала она, как бы *проснувшись*. – Вы уже едете, граф; ну, прощайте! А подушку графине?

– Постойте, я сейчас принесу ее, – сказала m-lle Bourienne и вышла из комнаты.

Оба молчали, изредка взглядывая друг на друга.

– Да, княжна, – сказал наконец Николай, грустно улыбаясь, – недавно кажется, а сколько воды *утекло* с тех пор, как мы с вами в первый *раз* виделись в Богучарове. Как мы все казались в несчастьи, – а я бы дорого дал, чтобы воротить это время... да не воротишь.

Княжна пристально глядела ему в глаза своим *лучистым взглядом*, когда он говорил это. Она как будто старалась понять тот *тайный смысл* его слов, который бы объяснил ей его чувство к ней.

– Да, да, – сказала она, – но вам нечего жалеть прошедшего, граф. Как я понимаю вашу жизнь теперь, вы всегда с наслаждением будете вспоминать ее, потому что *самоотвержение*, которым вы живете теперь...

– Я не принимаю ваших *похвал*, – перебил он ее поспешно, – напротив, я беспрестанно себя упрекаю; но это совсем неинтересный и невеселый разговор.

И *опять* взгляд его принял прежнее сухое и холодное выражение».

Действия Марьи довольно успешны, «желтое исподнее» Николая уже показалось из «завязанного мешка», но – одна неверная нота, один намек на «самоотвержение», которым Николай живет теперь, – и это исподнее, этот внутренний человек снова прячется.

«Но княжна уже увидала в нем *опять* того же человека, которого она знала и любила, и говорила теперь *только с этим человеком*.

– Я думала, что вы позволите мне сказать вам это, – сказала она. – Мы так сблизились с вами... и с вашим семейством, и я думала, что вы не почтете неуместным мое участие; но я ошиблась, – сказала она. Голос ее вдруг дрогнул. – Я не знаю почему, – продолжала она, оправившись, – вы прежде были *другой* и...

– Есть тысячи причин *почему* (он сделал особое ударение на слово *почему*). Благодарю вас, княжна, – сказал он тихо. – Иногда тяжело. (жирный курсив Толстого. – О.Д.)

«Так вот отчего! Вот отчего! – говорил *внутренний голос* в душе княжны Марьи. – Нет, я не один этот веселый, добрый и открытый взгляд, не одну красивую внешность полюбила в нем; я *угадала* его благородную, твердую, *самоотверженную* душу, – говорила она *себе*. – Да, он теперь беден, а я богата... Да, только от этого... Да, если б этого не было...» И, вспоминая прежнюю его нежность и теперь глядя на его доброе и грустное лицо, она вдруг поняла причину его холодности».

Марья говорит и думает о «самоотвержении». Можно, конечно, понимать это в расхожем моралистическом смысле. Однако ничто не мешает посмотреть на дело шире. Скажем, когда я отвергаю себя, я что отвергаю? Эгоизм? Не только. И не обязательно. Например, когда Ростов выходит из себя и скачет в атаку или за волком, он отвергает свою, как я говорил, социальную личность. Ну, положим, отвергает не сознательно (как требуют моралисты), а просто «не выдерживает». Но это детали, а суть в том, что он теряет нормативного себя и впадает в состояние одержимости. И точно также он теряет свою персону на всех этапах *Кунь*. Кроме четвертого, где действует как раз социальная личность. А у нее свои понятия: отцовский долг надо платить, гоняться за богатыми невестами дурно и так далее. Этих «и так далее» много, они-то и суть те «тысячи причин *почему*», которые загоняют внутреннего человека Ростова в мешок. Понимает ли это Марья?

А это смотря какая Марья. Она ведь тут не одна. Сквозь некрасивый облик княжны временами что-то проклевывается. Это бывает, когда она **забывает себя** и вдруг улыбается. Тут ее «лучистые глаза» источают снопы света. Вот это и есть та Марья, к которой так тянется Николай. Но только это не земная женщина, это Царевна-лягушка. Старый колдун князь Болконский набросил на дочь лягушачью кожу (я объяснял это в экскурсии «Бардо»¹⁵). Напомню, что Николай приезжает в Богучарово (заколдованный замок) на третий день по смерти жестокого чародея и расколдовывает принцессу. Однако чары, наложенные на ее стихийную природу, продолжают действовать. Она все еще остается лягушкой, исполненной социальных предрассудков, например, думает, что «самоотверженность» – это что-то из области морали. А это просто технический термин шаманов, означающий, в частности, что лягушачья кожа должна быть сожжена (хотя это чревато).

Защитный мешок своих предрассудков Ростов потому и пассивен, что стихийная женственность Марьи не действует. Но – поднимите мне веки! – она уже начинает включаться: вот засветились «лучистые глаза», зажужжал жесткий диск, нечто в Марье сканирует Николай. Есть! Она нащупала в нем «человека, которого она знала и любила», того, кто изначально (*юань*) был предназначен для нее. Теперь она будет обращаться уже только к нему (продолжая цитирование с того самого места, на котором его прервал):

¹⁵ См. Том Четвёртый, главу «Шаманские экскурсии. Бардо»

«— Почему же, граф, почему? — вдруг почти *вскрикнула* она *невольно, подвигаясь* к нему. — Почему, скажите мне? Вы *должны* сказать. — Он молчал. — Я не знаю, граф, вашего *почему*, — продолжила она. — Но мне тяжело, мне... Я признаюсь вам в этом. Вы за что-то хотите лишить меня прежней дружбы. И мне это больно. — У нее слезы были в глазах и в голосе. — У меня так мало было счастья в жизни, что мне тяжела всякая потеря... Извините меня, прощайте. — Она вдруг заплакала и пошла из комнаты.

— Княжна! постойте, ради бога, — *вскрикнул* он, стараясь остановить ее. — Княжна!

Она оглянулась. Несколько секунд они молча смотрели в глаза друг другу, и далекое, невозможное вдруг стало близким, возможным и *неизбежным*».

Все, Николай «не выдержал».

6.

На пятой ступени точка бифуркации пройдена. Шестая позиция — это обычно уже перерождение процесса. Точнее, это такая ситуация, когда ты еще остаешься в потоке, который уже принес тебя к цели. И движется дальше. Или иссяк. Или застоялся. Вариантов может быть много, и твое поведение в разных случаях может (и должно) быть разным. Все зависит от архетипа потока. Женившись на Марье, Ростов попал в какой-нибудь поток семейной жизни (мы всегда живем одновременно во многих потоках, а гадание выявляет — существенный в данный момент), но продолжает еще подвергаться и воздействию *Кунь*. Чтоб понять, что это значит, надо рассмотреть вещественную составляющую течения, которое несло Николая. Конечно, для «Книги перемен» самой по себе вещество потока абсолютно безразлично, она одинаково хорошо описывает любые потоки — финансовые, физические, сюжетные, социальные... Ее предмет — процессы как таковые. Но для каждого конкретного случая материал имеет значение.

В случае Николая веществом потока *Кунь* оказалась война. И потому совсем не случайно то, что движение Ростова к женитьбе на Марье началось с атаки, которая произошла через месяц после начала нашествия Наполеона. То есть — движения Запада на Россию и противохода России на Запад. Конечная точка движения русской армии — Париж, который был взят в марте 1814 года. Толстой говорит, что Николай был в Париже, когда получил весть о смерти отца. Но это никак невозможно, поскольку «в начале зимы» (скорей всего — в конце 1813 года) Николай, уже попавший в «мешок», встретился в Марьей, а «осенью 1814 года» женился на ней.

Вообще-то в этом романе каждая дата строго выверена и имеет символическое значение. Например, Николай спасет Марью (вторая ступень) ровно в тот день, когда Кутузов принимает армию. И так по всем датам¹⁶. На этом фоне хронологическая ошибка — обратная сторона архетипической необходимости: Николай должен побывать в Париже, поскольку олицетворяет в романе драйв русской армии. Именно в Париже (и со смертью отца) должна кончиться пруха, начавшаяся под Островне. Достигнув Парижа, армия исчерпывает энергией войны (это четвертая ступень), начинается откат в мирную жизнь. При этом офицеры, наглотавшиеся воздуха свободы, вольнодумствуют, дело идет к восстанию декабристов. Это и есть перерождение процесса, который, соединив Николая и Марью, продолжает течь, но демонстрирует в тексте Толстого одни только свои военно-политические параметры (Часть вторая Эпилога — уже просто социологическая статья).

Как известно, роман «Война и мир» вырос из замысла романа о декабристах, который был начат, но в ходе работы потребовал переформатирования. И превратился в роман о том, откуда взялись декабристы, в «Войну и мир». Так получилось потому, что Толстой отдался «энер-

¹⁶ Некоторые связки выявлены в тексте Олега Давыдова «Война и мир», 1990 г, онлайн этот текст можно найти по ссылке: <https://www.peremenu.ru/column/view/366/>

гии заблуждения, земной стихийной энергии, которую выдумать нельзя»¹⁷. Она и унесла его от начального замысла. Но течение сюжетной ци (ести)¹⁸, естественно, вынесло его к декабристам, которые в полном соответствии с Ростовским вариантом развития архетипа Кунь, появляются в самом конце:

**«Верхняя Шестерка
Драконы бьются на пустоши (в диком месте)
их кровь иссиня-черная и желтая».**

В нашем случае борющиеся драконы – две силы в российском обществе, которые вскоре схватятся на Сенатской площади. Это место, конечно, не дикое, но в «Книге перемен» и нет речи о конкретном месте. «Пустошь» это символ, который надо толковать в зависимости от конкретной ситуации того, к кому он относится. Ростов как раз сцепляется с Пьером Безуховым. Дело происходит в Лысых горах, накануне зимнего Николина дня 1820 года, 5 декабря по старому стилю. То есть – за три дня до зимнего солнцестояния, когда природный иньский процесс доходит до своей вершины, и его порыв иссякает. Зима еще будет морозить, но солнце уже поворачивает на весну, начинается подъем сил Ян. Мне уже не раз приходилось описывать¹⁹ этот момент, точку Николоворота, поединок небесного Всадника-Змееборца с земнородным Змеем-Николой, их единство, во всем аналогичное единству Инь и Ян в ходе любых перемен. Что касается цвета крови драконов, то комментарий «Вэнь Янь» отмечает: «Иссиня-черный и желтый цвета» – это смесь Неба и Земли: Небо иссиня-черное, а Земля желтая» (цвет «исподнего» Николая).

¹⁷ См. главу «Шаманские экскурсии. Ростов. Я и Ся»

¹⁸ См. Том Четвертый, главу «Шаманские экскурсии. Ци»

¹⁹ См., например, Том Первый, главы 17 «Волосово» и 18 «Перьинский холм»

Лошадь и ее хозяин. Картина Чжао Мэнфу (1254—1322)

Перед схваткой драконов в Лысых горах будущий декабрист Пьер рассказывает о своей встрече с членами тайного общества. Ростов старается быть сдержанным (*чжэнь*), как его учит Марья, но в нем зреет недовольство. Он начинает возражать Пьеру, тот отвечает. И вот уже Николай «почувствовал себя поставленным в тупик. Это еще больше *рассердило* его, так как он в душе своей, *не по рассуждению*, а по чему-то *сильнейшему, чем рассуждение*, знал несомненную справедливость своего мнения». И он не выдерживает: «Начни вы противодействовать правительству, какое бы оно ни было, я знаю, что мой долг *повиноваться* ему. И вели мне сейчас Аракчеев идти на вас с эскадроном и рубить – ни на секунду *не задумаясь* и пойдю».

Так Ростов демонстрирует, что остается в прежнем потоке, одержим его существом и будет рубить невзирая на лица. Иначе и быть не может. В конце текста *Кунь*, уже после описания всех шести этапов, имеется следующее добавление:

**«Применение Шестерок
Польза-Ли в вечной Выдержке-ЧЖЭНЬ».**

То есть цель (*ли*) процесса *Кунь* предполагает неизменную одержимость (*чжэнь*) того, с кем происходит этот процесс.

Подытожу: Ростов целиком *Марья чжэнь*, обуян кобылицей, неведомой силой, таящейся в женщине. Эта сила – энергия аристотелевского Перводвигателя, который тянет нас по пути (*Дао*) к запредельной цели. Эта сила зовется по-разному: Вечная Женственность, Сокровенная Самка (*Пинь*), Шапти, Душа Мира, Божественная Премудрость София. В Марье проглядывает самая настоящая София, в отличие от Сони, которая – только Соня. А Ростов – да, в нем тоже сидит божество, но вообще-то он лишь простоватый гусар, который вкусил божества, был ведом им, достиг человеческой цели: женился на Марье (земной). И теперь он боится ее потерять, паникует, когда замечает в ней неземное: «Боже мой! что с нами будет, если она умрет, как это мне кажется, когда у нее *такое лицо*». Это последняя мысль Николая в романе. Дальше он встает на молитву. Прощайте, граф.

А мы махнем на ночь глядя в поля. Хлеб постеречь. Вот перед нами Иван, считает на небе звезды, вдруг слышит ржание. Посмотрел под рукавицу и увидел кобылицу. Дальше он – раз, и уже овладел кобылицей. Попёрло! Он ей – на хребёт задом наперёд, а она и так, и сяк – вьётся, виснет, мчится, пластью, скоком, дыбом... Ё! Интересная пара. В результате кобылица рождает Ивану двух коней и Конька-горбунка, который... Вы понимаете? Этот Конек – ровно то, что несет Николая. В сказке процесс разворачивания архетипа *Кунь*, показан, может, и не с такой эпической обстоятельностью, как в романе Толстого, но Иван все равно в конце женится. На Кобылице. Только она в тот момент предстает уже не в лошадином облике, а в облике Царь-девицы (шаманы меня поймут), которую Иван подстерег ровно так же, как Кобылицу, но только не в поле, а на берегу окяна.

Из намеков Девы можно понять, что она нечто вроде Венеры (дочь Луны, сестра Солнца), но тогда ее избранник – умирающий и воскресающий бог растительности. Наш Иван пассивен (что свойственно духам растений), почти как Ростов, даже Деву самоотверженно достал не для себя, а для царя. Но сама-то Дева отнюдь не пассивна, устроила так, что царь – бух в котел и сварился. А Иван после гибели в этом котле («мешке») воскрес и женился. Как и Николай. Вот вам и архетипический движитель *Кунь* – божественная Кобылица, мать Конька, который – какая мощь чресл! – несет героя. Горбунок – это якорь, которым она держит (*чжэнь*) Дурака привязанным к себе и к потоку событий, ведущих к цели (*ли*). Она очень коварна,

не удивлюсь, если вдруг обнаружится, что перо жар-птицы подбросила Ване тоже она. Но при всем том – три тысячи чертей! – она так нечеловечески привлекательна...

В этом экскурсии дан один лишь пример того, как работает «Книга перемен». В следующем посмотрим, как работает сам Лев Толстой.

Шаманские экскурсии. Толстой и смерть

В предыдущих экскурсах мы наблюдали, как Николай Ростов оказался одержим, и проследили эту одержимость в контексте гексаграммы Кунь китайской «Книги перемен». Теперь о самом Толстом.

В нем сидело много чего. И иногда можно было видеть, как он переключается из одного состояния в другое. Горький, например, вспоминает: граф мог быть демократичен... «И вдруг из-под мужицкой бороды, из-под демократической, мятой блузы поднимается старый русский барин, великолепный аристократ, – тогда у людей прямодушных, образованных и прочих сразу синеют носы от нестерпимого холода... Барина в нем было как раз столько, сколько нужно для холопов. И когда они вызывали в Толстом барина, он являлся легко, свободно и давил их так, что они только ежились да попискивали».

Бахтин характеризовал слово «вдруг» как маркер переключений с одного потока сознания на другой (я перевожу Бахтина на шаманский язык). Вдруг раз – и перед нами другой человек. Разумеется, внешний наблюдатель не может знать, что делается в душе Толстого, он может только фиксировать переключения. Но Толстой вел дневник. Вот, например, запись, сделанная 8 апреля 1909 года (тут жирные курсивы того, кто это писал, а светлые, как и в Толстовских цитатах ниже, мои. – *О.Д.*):

«Как хорошо, нужно, пользительно, при сознании всех появляющихся желаний, спрашивать *себя*: чье это желание: *Толстого* или *мое*. Толстой хочет осудить, думать недоброе об NN, а *я* не хочу. И если только я вспомнил это, вспомнил, что Толстой не *я*, то вопрос решается бесповоротно. Толстой боится болезни, осуждения и сотни и тысячи мелочей, которые так или иначе действуют на него. Только стоит спросить *себя*: а *я* что? И все кончено, и Толстой молчит. Тебе, Толстому, *хочется* или *не хочется* того или этого – это твое дело. Исполнить же *то, что ты хочешь*, признать справедливость, законность *твоих* желаний, это – *мое* дело. И *ты* ведь знаешь, что *ты и должен и не можешь не слушаться* меня, и что в послушании *мне* твое благо.

Не знаю, как это покажется другим, но на меня это ясное *разделение себя* на Толстого и на *Я* удивительно радостно и плодотворно для добра действует.

Нынче ничего не писал. Только перечитывал Конфуция».

Да, это явно писал не Толстой. Может, какой Конфуций? Или «старый русский барин», давящий на сей раз на самого Толстого? Или кто-то еще?.. Но что за гнусный тип! Овладел писателем и понукает. Запрещает удовлетворять даже самые невинные похоти. Думает, что знает добро и зло. Пользуется тем, что в данный момент вся воля – его. Наслаждается тем, что Толстой одержим (как, скажем, был одержим Ростов, идя в атаку). Видит ли Лев Николаевич всю мерзопакость этого «*Я*»? Кажется – нет. Присутствует ли «*я*» Толстого в этом фрагменте? Если и присутствует, то – лишь как страдательная бессловесная тень: «Толстой хочет... а *я* не хочу».

Для этого «*Я*» Толстой явно нечто чужое и внешнее. Но при этом оно (это «*Я*», постороннее существо) отождествляется с Львом Николаевичем почти до полной неразличимости, до такой даже степени, что ему (существу) еще надо вспомнить, что оно – не Толстой. Пока оно это не вспомнило, оно, похоже, воображает себя Толстым. Хотя, может быть, это только иллюзия – то, что оно как-то связано с Толстым в тот момент, когда он живет своей жизнью. Может, это «*Я*» и существует лишь только тогда, когда оно (как оно считает) отделилось от Толстого («Толстой не *я*») и смотрит на него со стороны. Но сидит-то оно все же во Льве Николаевиче, поскольку водит его пером, когда он (или не он?) пишет, что все, что составляет саму жизнь Толстого – ничтожная ерунда, «мелочи». Как все запутано. Ясно только одно: нечто явилось откуда-то и заявляет: «признать справедливость, законность твоих желаний, это – *мое* дело».

Вообще-то, существо, которым одержим (*чжень*) пишущий это Толстой, – нечто вроде бабочки, которой снится, что она – Чжуан-цзы. Но только счастливая бабочка (она в свою очередь снится Чжуан-цзы) дает китайскому философу ощущение радости и полета, а ментальный паразит (скажем так), которому снится, что он Толстой (и соответственно – снящийся Толстому), дает русскому писателю ощущение горечи и подавленности (лишает свободы, ставит запреты). И в этом смысле напоминает страшное насекомое, в которое превращается, проснувшись однажды, Грегор Замза, герой новеллы Кафки «Превращение». Паразит Толстого, правда, не превращает писателя в насекомое, он превращает его в видного деятеля, который, пользуясь авторитетом гения русской словесности, ведет от его имени большую общественную работу, проповедует его устами особое рода христианство, пишет его рукой тяжелые странные тексты. Такие, как «Исповедь», «Критика догматического богословия», «В чем моя вера».

Чья вера? Толстого? Или все-таки духовного паразита, поселившегося в его душе и диктующего свою волю, как какой-нибудь приживальщик, взявший власть в чужом доме, нечто вроде Фомы Опискина? Попробуем в этом разобраться. И для начала откроем «Исповедь», которая написана от имени Толстого, но во многом продиктована именно «Я» существа, присосавшегося к нему. Начинается книга с повествования (в осуждающем тоне) о том, как Толстой красиво и счастливо жил: любил, воевал, предавался всяким страстям, не верил в бога, размышлял, писал книги, любил жену, рождал детей, хозяйствовал... А потом с ним вдруг что-то случилось. «Стали находить минуты сначала недоумения, остановки жизни, как будто я не знал, как мне жить, что мне делать, и я терялся и впадал в уныние. Но это проходило, и я продолжал жить по-прежнему. Потом эти минуты недоумения стали повторяться чаще и чаще и всё в той же самой форме. Эти остановки жизни выражались всегда одинаковыми вопросами: зачем? Ну, а потом?»

Не совсем пока ясно, кто задает эти вопросы. Но нетрудно заметить, что в тексте «Исповеди» сосуществуют как минимум два слоя, два голоса. Один голос звучит всякий раз, когда предыдущая жизнь Толстого осуждается как что-то греховное (я убивал, я писал ерунду, я не верил в бога). Лев Толстой в этом случае (слое текста) явно выступает как «ся»²⁰), как инструмент, которым пишется «Исповедь». А пишет (точнее – диктует) эти покаяния, конечно, Фома Опискин, сидящий в душе писателя. Однако в «Исповеди» есть и другой слой, который пишет уже не Опискин, а *сам* Толстой. Время от времени его голос вдруг начинает прорываться сквозь то, что диктует Фома, и буквально вопиет: не верьте ни единому слову, я лгу, это болезнь, я одержим. Этот голос, конечно, парадоксально двусмыслен, но он четко различим, например, в следующем пассаже:

«Случилось то, что случается с каждым заболевающим смертельною внутреннею болезнью. Сначала появляются ничтожные признаки недомогания, на которые больной не обращает внимания, потом признаки эти повторяются чаще и чаще и сливаются в одно нераздельное по времени страдание. Страдание растёт, и больной не успеет оглянуться, как уже сознаёт, что то, что он принимал за недомогание, есть то, что для него значительнее всего в мире, что это – смерть.

То же случилось и со мной. Я понял, что это – не случайное недомогание».

Итак, Толстой болен. Что это за болезнь? Он говорит: «Жизнь моя остановилась... Если я желал чего, то я вперёд знал, что, удовлетворю или не удовлетворю моё желание, из этого ничего не выйдет... Если бы пришла волшебница и предложила мне исполнить мои желания, я бы не знал, что сказать... Даже узнать истину я не мог желать, потому что я догадывался, в чём она состояла. Истина была то, что жизнь есть бессмыслица». Это анамнез. Но в тексте есть описание, сделанное как бы со стороны. И что характерно: в нем используется совершенно

²⁰ См. главу «Ростов. Ся и Я»

шаманская терминология. Говорится о «силах» (в сущности – духах), которые «влекут» (как потоки). Вот этот взгляд со стороны, в котором отражена самая суть болезни:

«Жизнь мне опостылела – какая-то непреодолимая *сила влекла меня* к тому, чтобы как-нибудь избавиться от неё. Нельзя сказать, чтоб *я хотел* убить себя. *Сила, которая влекла меня* прочь от жизни, была *сильнее*, полнее, общее *хотенья*. Это была сила, подобная прежде *стремлению* жизни, только в *обратном* отношении. Я всеми силами *стремился прочь* от жизни. Мысль о самоубийстве пришла мне так же естественно, как прежде приходили мысли об улучшении жизни. Мысль эта была так соблазнительна, что я должен был *употреблять против себя* хитрости, чтобы не привести её слишком поспешно в исполнение».

Очевидно, что поток, в который попал граф Толстой, имеет суицидальный характер, что «я» самоубийцы, которое олицетворяет этот поток, создает в душе писателя переживания бессмысленности жизни и безысходности положения в ней. Цель, которую преследует «я» этого потока, – прекращение существования человека, а приманка – прекращение переживаемого им ужаса. Но одновременно в Толстом сохраняется «я», которое сопротивляется смерти, хитрит. «Хитрости», употребляемые одним «я» против другого («себя»), состоят в игре в прятки: «Я, счастливый человек, вынес из своей комнаты, где я каждый вечер бывал один, раздеваясь, шнурок, чтобы не повеситься». При этом Толстой не может категорически утверждать, что это он сам хотел убить себя. Нет, просто «сила, которая влекла меня *прочь от жизни*, была *сильнее*, полнее, общее *хотенья*».

Еще раз: Толстой *не хочет* кончать с собой, но есть нечто, сила, что *влечет* его к этому. Несмотря на то, что он противопоставляет термины «влечение» и «хотение», можно сказать, что Толстому *хочется* себя убить. При этом *влекущая* сила сильнее *хотения* самого Толстого. Из цитированного пассажа, конечно, не вполне ясно, что это за сила, но уже через абзац выясняется, что автор склонен рассматривать ее лично: «Невольно мне представлялось, что там где-то есть *кто-то*, который теперь *потешается, глядя на меня*». Правда, Лев Николаевич тут же говорит: «я не признавал никакого „кого-то“, который бы меня сотворил». Ну, так дело не в признании или не признании, а в ощущении силы, которая действует изнутри, *влечет тебя* покончить с собой. В связи с этим Толстой думает о «ком-то» насмешливом. Да, он любит издеваться. А уж творец он или нет, а также где он находится – «где-то» вообще или конкретно в душе страдальца – это вопрос другой. В любом случае из «Исповеди» можно понять, что этот «кто-то» имеет к мучениям Толстого примерно такое же отношение, какое имел к страданиям Иова бог, отдавший его ради эксперимента в руки Сатаны.

Мы еще вернемся к Иову, а сейчас посмотрим, как начиналась болезнь Толстого. Судя по тексту «Исповеди», описанные выше постоянные симптомы появились где-то в первой половине 1870-х годов («пять лет назад»). А первый серьезный приступ (видимо, раньше были и другие) случился, когда в конце лета 1869 года Толстой отправился в Пензенскую губернию покупать имение. 4 сентября он написал жене: «Третьего дня в ночь я ночевал в Арзамасе, и со мной было что-то необыкновенное. Было 2 ночи, я устал страшно, хотелось спать, и ничего не болело. Но вдруг на меня нашла тоска, страх, ужас, такие, каких я никогда не испытывал. Подробности этого чувства я тебе расскажу впоследствии; но подобного мучительного чувства я никогда не испытывал и никому не дай Бог испытывать. Я вскочил, велел закладывать. Пока закладывали, я уснул и проснулся здоровым. Вчера это чувство в гораздо меньшей степени возвратилось во время езды, но я был приготовлен и не поддался ему, тем более, что оно и было слабее».

Что конкретно случилось в ту ночь, можно узнать из незаконченной повести «Записки сумасшедшего», которую Толстой начал весной 1884 года. В ней герой рассказывает, как едет покупать имение в Пензенской губернии и ночует в Арзамасе. Еще в дороге он, было, задремал, но вдруг проснулся от неясного страха. И вот снова в гостинице... «Я был опять так же пробужден, как на телеге. Заснуть, я чувствовал, не было никакой возможности. Зачем я сюда

заехал. Куда я *везу себя*. От чего, куда я убегаю? – Я убегаю от чего-то страшного и не могу убежать. Я всегда *с собою*, и я-то и мучителен *себе*. Я, вот он, я весь тут. Ни пензенское, ни какое именье ничего не прибавит и не убавит мне. А я-то, я-то *надоел себе*, несносен, *мучителен себе*. Я хочу заснуть, забыться и не могу. *Не могу уйти от себя*. /.../ Я вышел в коридор, думая уйти от того, что мучило меня. Но оно вышло за мной и омрачало все. Мне так же, еще больше страшно было. „Да что это за глупость, – сказал я *себе*. – Чего я тоскую, чего боюсь“. – „Меня, – неслышно отвечал голос смерти. – Я тут“. Мороз подрал меня по коже».

Из этого текста следует, что человеку, заиклившись на повторении «я» и «ся», явилось какое-то существо и говорило с ним. Сам-то он сразу решил, что это существо – смерть. Но это не обязательно так. В принципе с ним мог говорить кто угодно из демонов и богов, обитающих во Вселенной. В том числе, конечно, и Смерть, которая в любой культуре может являться человеку как особый субъект, некий демон. При этом отношение к смерти в разных культурах может быть разным. Толстой – образованный представитель российской христианской культуры, то есть, по сути, атеист, знающий, что в случае чего надо молиться. И герой «Записок сумасшедшего» перед лицом смерти начинает креститься и кланяться, оглядываясь, не застанет ли кто его за таким неприличным занятием. Потом решает ехать. «На воздухе и в движении стало лучше. Но я чувствовал, что что-то новое *осело мне на душу* и отравило всю прежнюю жизнь».

Именно что «осело». Впоследствии «арзамасский ужас» повторится в Москве и еще раз в лесу на охоте. В конце концов, герой бросит свои помещичьи занятия и впадет в православие, что и есть «сумасшествие» с точки зрения европейски образованного русского. Для такого человека смерть – нечто отравляющее жизнь. А вот для индейца дона Хуана, например, смерть – компаньон и советчик. Она всегда слева от тебя на расстоянии вытянутой руки и в любой момент может коснуться. Это значит, что каждое мгновение может стать последним. А может и не стать. Когда шаман оказывается на краю гибели, он оборачивается налево и спрашивает у своей смерти: ну что, пи**ец? И она ему отвечает: нет, я же еще не коснулась тебя.

В арзамасской гостинице смерть еще не коснулась Толстого, но все-таки «*что-то новое осело*» (появилось) в его душе и «отравило всю *прежнюю жизнь*». Судя по истории его болезни, изложенной в «Исповеди», в душе писателя осело то самое деспотическое существо, которое его так мучило. Но только это существо вовсе не смерть. Ведь смерть не моралист и не мучитель, ей нет дела до того, как ты живешь, она не говорит человеку: веди себя хорошо, а то я приду за тобой. Смерть придет неизбежно, но не для того, чтоб пугать человека, а для того, чтобы взять его. Смерть сама по себе никого не пугает, а вот ею – да, пугают. Есть специалисты, которые эксплуатируют ее, чтобы манипулировать человеком. Таковы некоторые боги, оседающие в душе. В русской культуре это в первую очередь еврейский бог. О нем теперь и поговорим.

Шаманские экскурсии. Толстой и бог Кафки

Итак, смерть дала Толстому совет: не разменивай жизнь на пустяки, вроде купли поместий. И потом всякий раз, как он хотел предпринять, что-нибудь в жизни, спрашивала: «Зачем? Ну, а потом?» Конечно же, это отнюдь не вопросы, а утверждения в форме вопросов: зачем тебе это имение, ты что, потом будешь еще одно покупать, и еще, и еще... Ответа не требуется. Требуется изменить что-то в жизни. Но Толстой решил ответить на риторические вопросы смерти. И потратил годы на чтение религиозной и прочей литературы, что было не многим лучше приобретения поместий, ибо – было только предлогом, чтобы ничего не менять.

Окажись тогда рядом шаман, он бы сказал: ты, Лев Николаич, видно, собрался жить вечно... Но шамана поблизости не было. Да писатель к нему бы и не прислушался, ибо был одержим. И в своей одержимости углублялся во всякого рода теории, представляющие жизнь как «суету сует». Конечно, эти теории не только не давали ответов и разрешения мук, но еще глубже вгоняли в тоску. И так продолжалось до тех пор, пока Толстой не стал понимать, что вера философов («нас с Соломоном», как он выражается), не имеет отношения к жизни «миллиардов людей». И с этим пониманием в его душу стал проникать живой бог.

Вот как это описано в «Исповеди»: ««Он знает и видит мои искания, отчаяние, борьбу. Он есть», говорил я себе. И стоило мне на мгновение признать это, как тотчас же жизнь поднималась во мне, и я чувствовал и возможность и радость бытия. Но опять от признания существования Бога я переходил к отыскиванию отношения к нему, и опять мне представлялся тот Бог, наш творец, в трёх лицах, приславший Сына-искупителя. И опять этот отдельный от мира, от меня Бог, как льдина, таял, таял на моих глазах, и опять ничего не оставалось, и опять иссыхал источник жизни, я приходил в отчаяние и чувствовал, что мне нечего сделать другого, как убить себя».

Лев Толстой играет в шахматы с сыном Владимира Черткова. Ясная Поляна. 1907 год

В чем дело? Почему одна только мысль о христианском боге приводит Толстого в такое отчаяние? Чтобы это понять, придется хоть бегло проследить историю этого бога.

Изначально он являлся лишь одному человеку, Аврааму. Которому и в голову не приходило отождествлять того, кто являлся лично ему, со Всевышним, Творцом. Нет, Авраам, разумеется, знал о существовании Бога Всевышнего, как знают о нем дети всех народов земли. Этнологи установили, что это знание вовсе не есть результат проповеди христианских миссионеров (как это когда-то считалось), но – является изначальным и естественным знанием о божественном. Любой дикарь может вам объяснить, что, сотворив мир со всеми его божественными потенциями, Всевышний отделился от него, почил от трудов своих, и больше уже не вмешивается в дела мира, где действуют частные божественные потенции, то есть – конкретные боги, вроде Зевса, Одина, Волоса или того, кто являлся Аврааму.

Так вот, со Всевышним Авраам никогда не общался. Но у Всевышнего бога были жрецы. В Книге Бытия сказано, что священником Всевышнего был Мельхиседек, царь Салимский. Один раз по случаю он благословил Авраама «от Бога Всевышнего, Владыки неба и земли» (Быт.14:19). Авраам тогда дал Мельхиседеку десятину и клялся Всевышнему. Но общаться продолжал со своим личным богом, называвшим себя, в частности, так: «Я, Господь, Который вывел тебя из Ура Халдейского». Именно он (а отнюдь не Всевышний) обещал Аврааму землю и потомство, именно с ним Авраам заключил союз (завет) и именно он искушал Авраама, когда у того родился сын Исаак. Принеси, мол, мальчика в жертву мне, твоему богу.

Требование зарезать сына – это ли не кафкианский бред? Но Авраам подчинился богу, звучащему у него в ушах, и это вошло ему в праведность. В результате бог получил барана, а Исаак пошел на развод еврейского семени. Со временем бог, искушавший праотца, стал богом его потомков, духом еврейского племени, кочевого народца, окруженного врагами, гонимого и потому замкнувшегося в себе, заиклившись на своем невротическом боге. Еврей-

ский бог создал евреев по своему образу и подобию. И в свою очередь он – образ и подобие своего народа. Тут полное тождество. Когда говорят, что евреи – божий народ, это абсолютно верно: их бог избрал их, они вот именно воплощение своего этнического бога. Характер евреев – характер их бога. Это трудный характер, из него вытекает трагическая судьба, тяжелая психика (читайте Фрейда и Кафку), ментальность вечных жидов, повсюду ищущих и находящих врагов, создающих проблемы на собственную голову. Порой бог садистски мучит народ, который избрал, гонит его с места на место, подставляет, громит руками народов, среди которых евреям приходится жить, заставляет ощущать себя обойденным, несчастным, насекомым.

Авраама называют отцом всех верующих. То есть всех тех, кто поклоняется еврейскому богу, будь они иудеями, мусульманами или христианами. Формы культа в этих религиях разные, но бог – один, тот, кто искушал Авраама. И если ты всерьез относишься к вере, изволь получить все, что может дать тебе авраамический бог. Толстой относился к вере смертельно серьезно и получил по полной программе. Симптоматика его болезни должна быть знакома всем, кто читал тексты Кафки. Эти тексты не просто нелепый абсурд. В каждом из них представлен какой-нибудь вариант одержимости богом евреев, то, о чем в «Послании к евреям» апостол Павел сказал: «Страшно впасть в руки Бога живаго!» (Евр.10:31). Гою не по чину (да и запахло) доказывать это. Поэтому ограничусь отрывком из письма знатока иудейской мистики профессора Еврейского университета в Иерусалиме Гершома Шолема к философу Вальтеру Беньямину, написавшему проникновенную книгу о Кафке. В 1931 году Беньямин попросил Шолема дать какой-нибудь намек на идею, предполагая, что у того есть особые мысли о Кафке. И вот ответ:

«„Особые мысли“ насчет Кафки у меня, конечно же, есть, правда, не по поводу его места в континууме немецкой словесности (где у него никакого места нет, в чем, кстати, он сам нисколько не сомневался; он ведь, как ты, конечно же, знаешь, был сионистом), а только в словесности еврейской. Я бы тебе в этой связи посоветовал любое исследование о Кафке выводить из книги Иова или по меньшей мере из рассуждения о возможности существования божественного приговора... Как можно, будучи критиком, что-то говорить о мире этого человека, не поставив в центр проблематику учения, именуемого у Кафки законом, для меня было бы загадкой. Так должна бы, наверно, если она вообще возможна (вот она – заносчивость гипотезы!!!), выглядеть моральная рефлексия галахиста, который попытался бы создать языковую парафразу божественного приговора. Здесь нам вдруг явлен в языке мир, в котором нет и не может быть избавления – пойд и растолкуй все это гоям!»

Ну, истинным-то гоям это не интересно. Но, если кто хочет познать мрак души религиозного иудея, читайте гениального Кафку. Только осторожно, не пускайте этот мрак вглубь себя, можно заразиться, заболеть. Как заболел Лев Толстой. Ведь не Конфуций же, в самом деле, пролез к нему в душу и заставляет осуждать жизнь воина и семьянина. И не русский барин. Ни тот, ни другой не имеют в своей первозданной природе склонности пострадать. А вот если обратить человека в христианскую веру, в нем может прорезаться тяга к смакованию страдания как «божественного приговора». Ибо христианство – это кафкианство для гоев.

Бог родил сына и отдал на смерть. Как Авраам. Отдавать сына в жертву (вариант: жертвовать чужих детей, как было при исходе из Египта и при рождении Иисуса) – это самый нерв архетипики бога евреев, основополагающая черта его характера и заодно родовое проклятье его народа, выражающееся, в частности, в том, что евреи всегда как бы нечаянно подставляются. Обратная сторона такой виктимности – их успех. И успех их бога. Вот и смерть Иисуса позволила богу Авраама вырваться из тесных границ иудаизма. Что, конечно же, было невозможно, если бы локальный бог маленького народа не был заранее позиционирован как Всевышний. Это была трудная многовековая работа. Узловые этапы ее отразились в Писании.

Авраам (Ибрагим) приносит в жертву сына. Фреска из Ширази

Первый этап – смена имени. Перед исходом евреев из Египта бог является Моисею и называет себя «Я есмь Суший» (что передают как YHWH, Яхве, Иегова, Господь). Новое имя сразу выводит бога Авраама из прежнего захолустного контекста, позиционирует его как бы всеобщим, тем, чье существо – в существовании. Но при этом бог все-таки уточняет: «Являлся Я Аврааму, Исааку и Иакову с [именем] „Бог Всемогущий“ (Эль Шаддай), а с именем [Моим] „Господь“ (Яхве, YHWH) не открылся им» (Исх.6:3). Далее Яхве дает Моисею 10 заповедей. Их считают тем, на чем строится всякая социальная жизнь. Но ведь ни китайцам, ни индийцам, ни прочим народам Яхве скрижалей не давал. Всем (и евреям, и гоям) заповеди дал Всевышний, но только – не в виде текста, выбитого на камне, а в виде чувства, вложенного в сердце каждого. Отличие Моисеева декалога от закона, вписанного в сердца всех людей без различия наций и рас, состоит разве что в том, что заповеди Моисея исполнены нетерпимости, столь характерной для бога Кафки, но – не для Всевышнего.

Следующий этап – подмена Всевышнего богом Авраама. Тут не обошлось без имени Мельхиседека. В 109 псалме Давида сказано: «Клялся YHWH (Господь, Яхве) и не раскается: Ты священник вовек по чину Мельхиседека» (Пс.109:4). Христиане видят в этом «священнике» Иисуса. Пусть так, но тот, кто создал псалом, этого не знал, хотя и пророчил об этом. Иисус рождается через столетия, а в момент создания псалма этот «ты» – какой-то конкретный

земной человек (хотя бы тот же Давид), претендующий на роль царя и священника Бога Всевышнего (чин Мельхиседека). При этом Яхве уже стоит в позиции Всевышнего. По крайней мере, так можно понять этот текст. И именно так он впоследствии будет интерпретирован. Но это подлог. Всевышний на языке Библии зовется Эль Эльон, и никакой зашифрованный Яхве (YHWH) не имеет к этому имени никакого отношения. Понятно, что отождествление бога Авраама со Всевышним (Эльоном) повышало самооценку евреев и как бы поднимало ранг их бога среди богов соседних народов. Но этот наивный пиар ничего не менял в реальном раскладе божественных сил.

И последний этап: внедрение Яхве в языческую среду под видом Всевышнего. Решающую роль в этом деле сыграл апостол Павел, который уже строго исходил из посылки, что национальный бог евреев – и есть Всевышний. Например, в «Послании к евреям» он утверждает, что Иисус сделался «Первосвященником навек по чину Мельхиседека» (Евр.6:20). Если так, то сын еврейского бога – жрец Всевышнего и был принесен ему в жертву собственным отцом (богом Авраама), точно так же, как Исаак был почти принесен в жертву еврейскому богу своим отцом Авраамом. Тут открываются возможности для весьма интересных теологических измышлений об иерархии богов, но Павел говорит только, что бог «принес в жертву Себя Самого» (7:27). Такое ритуальное самоубийство сближает еврейского бога с германским Одином (Вотаном), с той только разницей, что великий Один, будучи верховным богом, никогда не претендовал на роль Всевышнего.

А Яхве претендовал, и проповедь Павла объективно направлена на то, чтобы представить бога евреев как Всевышнего. А гоев сделать чем-то вроде неполноценных иудеев. Павел, конечно, писал, что во Христе «нет уже Иудея, ни язычника», но при этом добавлял: «Если же вы Христовы, то вы семя Авраамово и по обетованию наследники» (Гал.3:29). То есть крещение делает гою почти что евреем. Как хорошо! Вот только не все язычники, стремившиеся к высокому званию еврея, понимали, что они становятся наследниками обетований бога Авраама, а вовсе не бога Всевышнего. И мало кто из них знал, что еврейский бог обещал своему народу, что гои будут порабощены. Но отказываясь от своих богов, они автоматически становились рабами божьими (бога евреев). Павел особенно-то ничего и не скрывал. В «Послании к римлянам» он все повторяет: «во-первых, Иудей, [потом] и Еллин». И поясняет: «Какое преимущество [быть] Иудеем, или какая польза от обрезания? Великое преимущество во всех отношениях, а наипаче [в том], что им вверено слово Божие» (Рим.3:1—2).

Безусловно, действие бога Кафки на гоев отличается от его действия на евреев. Для евреев их бог – родная стихия, мы же – сбоку припеку. И все-таки то, что происходит с гоями, одержимыми еврейским богом, часто тоже бывает исполнено подлинного кафкианства. Так, с первых же шагов своего распространения по миру этот бог толкнул тысячи христиан на добровольное мученичество²¹. Впоследствии это продолжилось в эксцессах икоборчества, религиозных войн, сожжениях ведьм, варфоломеевских ночах, самосожжениях раскольников. Такой уж характер у этого бога. Он и теперь продолжает мучить иных крещеных язычников почти как самих иудеев. Посмотрите хотя бы на графа Толстого.

Но сила жизни еще вернется к нему. Правда, не сразу, а постепенно, вкрадчиво, волнами. Решающий момент возвращения Лев Николаевич запомнил и описал в «Исповеди»: «Помню, это было раннею весной, я один был в лесу, прислушиваясь к звукам леса. Я прислушивался и думал всё об одном, как я постоянно думал всё об одном и том же эти последние три года. Я опять искал Бога». Далее абзац философского занудства, и вдруг мысль: «„Но понятие моё о Боге, о том, которого я ищу? – спросил я себя. – Понятие-то это откуда взялось?“ И опять при этой мысли во мне поднялись радостные волны жизни. Всё вокруг меня ожило, получило смысл».

²¹ См. пример в Томе Третьем, в главе «Семидесятое – Екатерининская пустынь»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.